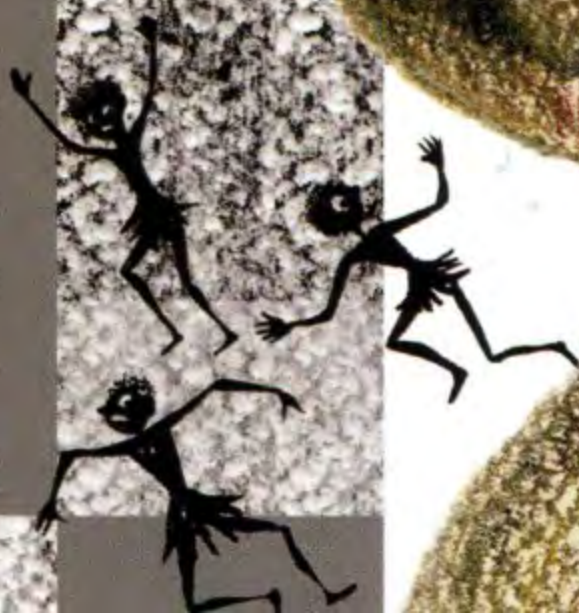

Лаймен Фрэнк Баум

СМЕШЛИВЫЙ ГИПОПОТАМ

*американские
волшебные
сказки*

Лаймен Фрэнк Баум

СМЕШЛИВЫЙ ГИПОПОТАМ

*американские
волшебные
сказки*

*Перевод с английского
Михаила Вирозуба*

*Художник
Наталья Салиенко*

Москва «Текст» 2010

Сундук с разбойниками

Марту никто и не собирался оставлять одну, но, как водится, все под разными предлогами ушли. Миссис Макфарленд в этот день всегда играла в карты в Женском союзе против азартных игр. Сестру Нелл совсем уж неожиданно позвал покататься на машине её парень. Ну, папа, естественно, оказался на службе, а у Мэри-Энн был выходной. Что касается Эмелин, то уж ей-то следовало оставаться дома и присматривать за маленькой девочкой, но усидеть на одном месте было ей не под силу.

— Вы не против, мисс, если я забегу к дочери миссис Карлтон, что живёт напротив? — спросила она Марту.

— Ну конечно же нет, — ответила девочка, — только, пожалуйста, уходя, закройте дверь на ключ, а я буду в своей комнате.

— Сделаю всё в точности, мисс. — Служанка обрадовалась и убежала на весь день к подружке, оставив Марту совершенно одну, запертую в большом доме.

Девочка прочла несколько страниц новой книжки, повышивала немного и стала играть «в гости» с четырьмя любимыми куклами. И тут она вспомнила, что на чердаке есть кукольный домик, с которым она уже несколько месяцев не играла, а теперь хорошо бы сделать в нём генеральную уборку. С этой мыслью Марта вскарабкалась по расшатанной лестнице в просторное помещение под самой крышей. Через три слуховых окошка туда попадало довольно света, и вообще там было тепло и уютно. Вдоль стен стояли поломанные стулья, коробки и сундуки, валялась старая одежда и было еще много чего ненужного. В каждом правильном доме есть такой чердак, а потому нет нужды подробно его описывать.

Кукольный домик оказался не на своём обычном месте, но Марта всё-таки нашла его в углу рядом с дымоходом. Она вытащила домик и тут заметила, что позади него стоит огромный чёрный деревянный сундук, который дядя Уолтер прислал из Италии кучу

лет тому назад — уж точно до Мартинового рождения. Мама ещё говорила, будто от этого сундука нет ключа, потому что дядя Уолтер не велел его открывать до своего возвращения. Мама сказала, что их вечно странствующий дядя был к тому же заядлым охотником: из Италии он поехал в Африку охотиться на слонов, и больше никто о дяде не слышал.

Девочка смотрела на сундук и переполнялась любопытством. Мысли о новой находке вытеснили из её головы все домики на свете. Какой большой — больше маминого путешественного чемодана! И весь обит потускневшими медными гвоздями. Марта попыталась приподнять сундук, но он оказался таким тяжеленным, что даже не шелохнулся. Ага! А вот отверстие для ключа! Она наклонилась, чтобы рассмотреть замочную скважину: да, к сундуку подойдёт только очень большой ключ.

Вы, наверное, уже поняли, как сильно девочке захотелось открыть сундук дяди Уолтера и посмотреть, что там внутри. А мы сами разве менее любопытны? Вот и маленькие девочки почти ничем не отличаются от нас.

«Наверное, дядя Уолтер уже не вернется домой, — решила Марта. — Папа сказал, что слоны — очень опасные животные, особенно когда на них охотятся.

Вот если бы у меня был ключ...» Она застыла и весело захлопала в ладоши: ведь в бельевом шкафу — вспомнила Марта — стояла целая корзина с самыми разными ключами! Там были ключи всех видов и размеров от всех-всех-всех сундуков и чемоданов, так что, может, один из них и подойдёт. Она слетела вниз по лестнице, отыскала корзину и тут же вернулась на чердак. Потом уселась перед сундуком и начала один за другим примерять ключи к старому замку. Кое-какие оказались велики, большинство — чересчур маленькими, один уже было хорошо угнездился, но никак не поворачивался, а другой чуть не застрял. Корзина почти опустела, когда старый ржавый ключ легко скользнул в замок. Марта даже вскрикнула от радости и обеими руками повернула ключ. Замок сказал «клик», и в следующее мгновение тяжёлая крышка сама поднялась!

Девочка склонилась над краем сундука и отпрянула в изумлении. Из сундука медленно и осторожно выбрался человек. Он неуверенно встал на пол, расправил затёкшие руки, а потом снял шляпу и вежливо поклонился. Был он высок и худ и казался сильно загоревшим. Следом за ним из сундука вылез второй человек. Он зевал и тёр глаза, как заспанный школьник. Этот был пониже ростом, но такой же загорелый.

Пока Марта, разинув рот, смотрела на двух мужчин, из сундука показался и третий — толстый коротышка и тоже смуглый лицом. Одеты все они были странно: в короткие курточки из красного бархата с золотым галуном, небесно-голубые шёлковые бриджи с серебряными пуговицами и чулки с широкими красными, жёлтыми и голубыми лентами. Длинные яркие ленты украшали их широкополые шляпы с высокими заострёнными тульями. С ушей свисали золотые кольца, а за пояс были заткнуты ножи и пистолеты. Чёрные глаза всех троих сверкали, а длинные свирепые усы торчали, закручиваясь на концах, как пороссячьи хвосты.

— Уф! И тяжелы же вы, ребята! — отдувался толстяк, отряхивая свою бархатную курточку и небесно-голубые штаны. — Помяли меня, будь здоров!

— Смирись, Луиджи, — мягко ответил худой. — Меня так придавила крышка сундука, что я и сам вздохнуть не мог. Однако приношу свои извинения.

— Все эти годы именно я был вашим ближайшим другом, — заявил средний, небрежно скручивая сигарету. — И вот вам мой совет: не стоит ссориться!

— Нельзя курить на чердаке, — вдруг подала голос Марта, закрываясь рукой от сигаретного дыма. — Это может вызвать пожар.

Средний, до того Марту не замечавший, повернулся на звук её голоса и отвесил девочке изысканный поклон.

— О, если этого требует дама, — заявил он, — я прекращаю курить!

И он бросил сигарету на пол, придавив её ногой.

— Кто вы такие? — догадалась наконец спросить Марта, которая была так удивлена, что даже не испугалась.

— Позвольте нам представиться, — сказал худой, грациозно помахивая шляпой. — Луиджи (толстяк кивнул), Бени (средний поклонился), а меня зовут Виктор. Мы самые настоящие, самые итальянские разбойники!

— Разбойники! — вскричала Марта, и глаза её наполнились ужасом.

— Да, мы такие. И на целом свете нет разбойников ужаснее и свирепее, — с гордостью сообщил Виктор.

— Ещё бы, — подтвердил средний и мрачно кивнул.

— Но это же нехорошо — быть разбойниками! — опять воскликнула Марта.

— Конечно, — подтвердил Виктор. — Мы страшно, жутко плохие. На целом свете нет никого хуже, отвратительнее нас.

— Или! — одобрил толстяк.

— Но ведь такими плохими быть нельзя, — сказала девочка, — это... это... неприлично!

Виктор опустил глаза и покраснел.

— Неприлично! — Бени от изумления открыл рот, и в глазах его мелькнул страх.

— Я не понимаю. Трудное какое-то слово, — печально произнёс Луиджи и закрыл лицо руками.

— Вот уж никогда не думал, — проворчал Виктор, что когда-нибудь услышу такое оскорбление, да ещё от дамы! Скорее всего, мисс, вы сказали, не подумав. Ведь наш злой нрав простителен: разве разбойники могут быть милыми и трогательными?

Озадаченная Марта только развела руками и призадумалась. А потом уверенно заявила:

— Вы больше не можете работать разбойниками, потому что вы в Америке!

— В Америке! — дружно воскликнули все трое.

— Конечно. В Чикаго, а наша улица называется Прерия-авеню. Дядя Уолтер переслал вас сюда из Италии в сундуке.

Разбойники растерялись. Луиджи плюхнулся в старое кресло-качалку и вытер лоб жёлтым шёлковым платком. Бени с Виктором так и уселись на сундук, побледнев и выпучив глаза. Собравшись с мыслями, Виктор заговорил, и в голосе его звучал упрек:

— Твой дядя Уолтер нанёс нам страшное оскорбление. Как он мог забрать нас из благословенной Италии, где разбойники — весьма уважаемое сословие, и забросить в эту немыслимую страну. Разве мы теперь разберёмся, кого грабить и какой требовать выкуп?

— Во-во, — поддакнул толстяк, хлопнув себя по коленке.

— А какая у нас в Италии была репутация! — мечтательно добавил Бени.

— Может, дядя Уолтер хотел вас перевоспитать? — предположила Марта.

— Разве в Чикаго совсем нет разбойников? — спросил Виктор.

— Ну, — протянула девочка, краснея, — мы их так не называем.

— Что же нам здесь делать и на что мы будем жить? — в отчаянии сказал Бени.

— В большом американском городе много чего можно делать, — ответила девочка. — Мой папа, например, работает юристом (разбойники вздрогнули), а двоюродный брат моей мамы — инспектор полиции.

— Да, — прохрипел Виктор. — Хорошая работёнка. Полицию надо почаще инспектировать, особенно в Италии.

— Везде б не помешало, — добавил Бени.

— Ещё вы можете, — продолжала Марта ободряюще, — стать водителями троллейбуса или продавцами в универмаге. А кое-кто, чтобы заработать себе на жизнь, становятся даже членами городского муниципалитета.

Разбойники печально покачали головами.

— Эта работа не для нас, мы с ней не справимся, — сказал Виктор. — Вот ограбить кого-нибудь...

Марта опять наморщила лоб:

— Вообще-то в газовой компании получить работу нелегко, но вы бы могли стать политиками!

— Ну уж нет! — заголосил Бени с неожиданной горячностью. — Мы ни на что не променяем наше призвание! Разбойниками были, разбойниками и останемся!

— Точно! — подтвердил толстяк.

— Даже в Чикаго наверняка найдутся люди, которых можно ограбить, — оживился Виктор.

Марта очень огорчилась, услышав эти слова.

— Я думаю, здесь всех уже давно ограбили, — только и нашла она что возразить.

— Тогда мы ограбим грабителей. С нашим-то опытом и талантом! — предложил Бени.

Девочка почти заплакала:

— И зачем только дядя Уолтер прислал нам свой сундук?..

— Мы бы тоже не прочь это узнать! — сказал Виктор с неподдельным интересом.

— Но этого никто не узнает, потому что дядя Уолтер поехал в Африку охотиться на слонов и там пропал! — уверенно заявила Марта.

— Тогда примиримся с судьбой и приложим все силы, чтобы грабить и разбойничать, — сказал Виктор. — Мы всегда оставались верны нашей профессии и не опозорим её!

— Вот-вот! — подтвердил толстяк.

— Братья! Чего же мы медлим? Ограбим для начала этот дом!

— Ты, Виктор, голова! — обрадовались остальные разбойники и вскочили на ноги. Бени грозно повернулся к ребёнку:

— Стой на месте! — скомандовал он. — Если сделаешь хоть шаг, я обагрю свой нож твоей кровью! — И добавил: — Не бойтесь, разбойники всегда так говорят со своими жертвами. Конечно же мы не тронем вас, юная леди.

— Ни за что! — подтвердил Виктор.

Толстяк достал из-за пояса здоровенный нож и помахал им над головой.

— Крови будет! — страшным голосом воскликнул он.

— Тысяча бананов! — выругался Бени таким же голосом.

А Виктор прошипел:

— Дрожи, враг!

Все трое взвели курки пистолетов, зажали в зубах сверкающие ножи и, пригнувшись, двинулись вниз по лестнице, оставив на чердаке дрожащую от страха девочку, у которой не было даже сил закричать.

Так просидела она довольно долго, пока не услышала кошачьи шаги возвращающихся разбойников. Они гуськом поднимались по ступенькам и волокли награбленное. Луиджи нёс ворох маминых платьев, водрузив сверху пирог с изюмом. Следом шел Виктор с пригоршней безделушек, бронзовым подсвечником и часами из гостиной. У Бени в руках была их семейная Библия, корзина со столовым серебром, медный чайник и папино пальто.

— Как славно, — умиротворённо сказал Виктор, сваливая добычу на пол. — Как приятно, будто молодость вернулась.

— Потрясающие ощущения, — начал было Бени, но уронил себе на ногу чайник и, приплясывая от боли, стал страшно ругаться по-итальянски.

— Неплохая добыча, — продолжал Виктор, перехватывая у Луиджи пирог. — И это всего-то из одного дома! Америка, должно быть, не бедная страна!

Он откромсал кинжалом кусок пирога и передал остаток товарищам. После чего все трое уселись на пол, жадно жуя, а Марта печально смотрела на беспорядок и исчезающий любимый пирог.

— Теперь бы пещеру найти, — заметил Бени. — Ведь добычу надо обязательно прятать в тайном и безопасном месте. Вы не знаете такую пещеру? — обратился он к Марте.

— Я знаю только Мамонтову пещеру, — вспомнила она. — Но это в Кентукки. Туда надо долго ехать на машине.

Разбойники призадумались, поскучнели и пирог дожевывали в молчании. Но вдруг испуганно подскочили — во входную дверь так громко позвонили, что было слышно и на чердаке.

— Что это? — хрипло прошептал Виктор, и все трое схватились за кинжалы.

Марта подбежала к окну и увидела удаляющегося почтальона, который бросил письмо в почтовый ящик. Тут-то она сообразила, как избавиться от разбойников, и закричала будто бы в страшном волнении:

— Это полиция!

Грабители с ужасом переглянулись, и Луиджи дрожащим голосом спросил:

— Их много?

— Сто двенадцать человек, — объявила Марта, сделав вид, что пересчитала полицейских.

— Мы пропали, — выдавил Бени, — их слишком много. Мы, конечно, будем драться, но всё равно погибнем.

— Они вооружены? — спросил Виктор, и голос его тоже дрогнул.

— Разумеется, — заверила их Марта. — У них ружья, и сабли, и пистолеты, и топоры, и...

— И что? — попросил уточнить Луиджи.

— И пушки!

Разбойники застонали, и Бени заключил глухим голосом:

— Хорошо, если нас сразу убьют, а не будут пытаться. Я слыхивал об американцах: это такие раскрашенные и кровожадные индейцы.

— И я о них слышал, — выдохнул с дрожью толстяк.

Внезапно Марта отпрянула от окна.

— Но мы ведь друзья? — спросила она.

— До гроба! — ответил Виктор.

- До конца! — подтвердил Бени.
- До последнего вздоха! — добавил Луиджи, подумав, что последнего вздоха ждать осталось недолго.
- Тогда я вас спасу, — сказала девочка.
- Как? — спросили все трое разом.
- Быстро полезайте обратно в сундук, — деловито пояснила она. — Я закрою крышку, и полицейские вас не найдут.

Разбойники нерешительно потоптались вокруг сундука, но девочка поторапливала:

- Ну же, скорее! Они уже в дом заходят, вас вот-вот схватят!

Тогда Луиджи прыгнул в сундук и улёгся на дно. Бени последовал за ним, а Виктор успел поцеловать девочке руку самым галантным образом. Марта подбежала к сундуку, опустила крышку, но захлопнуть её никак не удавалось.

- Вам бы как-нибудь ужаться, — посоветовала девочка.

Луиджи застонал.

- Сделаю всё, что в моих силах, — отозвался Виктор, лежавший сверху, — но сундук что-то стал тесноват, а ведь мы неплохо в нем помещались.

- Да уж, — долетел сдавленный хрип толстяка со дна.

— Я догадываюсь, кто занял лишнее место, — сказал Бени.

— Кто? — забеспокоился Виктор.

— Пирог, — ответил Бени.

Тогда Марта уселась на крышку и попыталась придавить её всем своим весом. И замок, наконец, щёлкнул. Тогда она спрыгнула с крышки и быстро-быстро повернула в замке ключ.

Вот и всё. А если бы Марта не совала свой нос куда не следует, не была бы такой любопытной, то и не пришлось бы ей потом стаскивать с чердака вещи, принесённые туда грабителями, и делать генеральную уборку во всём доме!

Стеклянная собака

На верхнем этаже огромного многоквартирного дома жил колдун. Он получил наилучшее колдовское образование и все время проводил в учёных размышлениях. Он проштудировал множество книг, узнал все секреты других колдунов, а чего не узнал, то, видно, и узнавать не стоило.

И был бы колдун совершенно счастлив, если бы целый день не стучались к нему люди. Они приходили за советами и вдобавок рассказывали о своих не стоящих внимания делах, а колдуна это отвлекало от раздумий. То стучался мороженщик, то молочник, потом мальчишка с пирожками, следом посыльный из прачечной и, наконец, торговка орехами. Ну сами подумайте, зачем ему орехи? А люди шли и шли. Стук

в дверь раздавался почему-то именно тогда, когда он особенно глубоко погружался в книги или созерцал пузырьки в кипящем колдовском зелье. Колдун выпроваживал очередного продавца, но важная мысль оказывалась безнадежно утеряна, а зелье безнадежно испорчено.

В конце концов колдун понял, что без собаки ему не обойтись. Тогда-то люди станут держаться от его дверей подальше! Только где её взять? Надо сказать, что в квартире по соседству жил бедный стеклодув. Вот колдун постучался к стеклодуву и спросил:

— Сосед, не знаете, где бы мне взять собаку?

— Какой-нибудь особенной породы? — поинтересовался стеклодув.

— Думаю, да. Хорошей. Чтобы на всех лаяла и отгоняла от двери, чтобы не возиться с её выгуливанием, кормлением и блохами, чтобы слушалась, само собой, и выполняла все команды. Короче — хорошей породы, — заключил колдун.

— Такую трудно найти, — пробурчал стеклодув, сосредоточенный на выдувании стеклянного цветочного горшка: голубого, с букетом стеклянных жёлтых роз с зелёными листочками на розовых стебельках. А колдун поглядел на стеклодува и задумчиво сказал:

— Сосед, а вы можете выдуть мне собаку из стекла?

— Вообще-то могу, — ответил мастер, — да только лаять-то она не будет.

— Это пустяки, — отмахнулся колдун. — Чего стоит моё волшебство, если я не научу лаять стеклянную собаку?

— Тогда — пожалуйста, мне не трудно. А заплатите сколько?

Колдун задумался:

— Конечно, за работу надо платить. Но этих дурацких клочков бумаги, которые вы называете деньгами, у меня нет. Придётся вам взять что-нибудь взамен.

Стеклодув размышлял недолго.

— От ревматизма мне бы какое-нибудь снадобье, — попросил он.

— Поищу.

— Тогда договорились. Из какого стекла желаете получить собаку?

— Из розового, — сказал колдун. — Ведь это так необычно!

— Весьма, — согласился стеклодув. — Розовая так розовая.

Колдун вернулся к своим размышлениям, а стеклодув тут же принялся за работу.

На следующее утро собака была готова. Стеклодуд осторожно водрузил её на стол колдуна. Она была чудесного розового цвета с шерстью из стеклянных нитей и голубой стеклянной ленточкой вокруг шеи. В глазах собаки, сделанных из черных стеклянных капелек, светился ум — такой часто светится в стеклянных глазах некоторых людей.

Волшебник восхитился и вручил мастеру маленькую бутылочку.

— Вот это, пожалуй, излечит вас от ревматизма.

— Но там же ничего нет! — возмутился Стеклодуд.

— Ещё как есть. Там целая капля волшебной жидкости, — ответил колдун.

— И меня вылечит одна капля? Мне не придётся ничего втирать целый месяц? — удивился Стеклодуд.

— Вылечит. Эта капля вообще мгновенно снимает любую боль и прогоняет любую хворь. А от ревматизма лучше не придумать. Вот только рецепт я позабыл, так что храните бутылочку получше — эта капля одна в целом свете.

— Спасибо, сосед, — поблагодарил Стеклодуд и пошёл к себе.

А колдун немного поколдовал, пробормотал несколько учёных слов на волшебном языке над головой стеклянной собаки. И маленькое животное вдруг

завиляло хвостом, моргнуло и залаяло, да так громко, будто самый здоровенный пёс. «Удивительное колдовство» — так можно было бы подумать, хотя, если что-то хорошо умеешь делать, разве это чудо?

Волшебник очень обрадовался, хотя и не удивился. Он устроил собаку перед дверью, где ей надлежало лаять на всех, кто осмеливался стучать и тем самым мешать учёным занятиям хозяина. Стеклодуд же, вернувшись к себе, решил пока приберечь единственную каплю волшебникова снадобья.

— Сегодня-то ревматизм отпустил, — уговаривал он себя, — поберегу-ка я лекарство до поры, когда совсем захвораю.

Он поставил бутылочку в шкаф и сел выдувать стеклянные розы. Но тут подумал, что позабыл спросить колдуна, как лекарство хранить, и вернулся к дверям соседа. Однако там уже сидела розовая собачка, которая так облаяла стеклодуда, что он обиделся.

— Сам ведь вчера сделал, и вот такой приём! — И ушёл.

Наступило утро следующего дня. Стеклодуд завтракал и читал газету. На первой странице сообщалось, что мисс Мидас, самая богатая женщина в городе, серьёзно больна и врачи уже не надеются на её выздоровление. Мастер хоть и был беден и

неказист и кроме тяжелой работы ничего в жизни не видел, но оказался парень не промах и сразу подумал о драгоценном лекарстве. Он решил, что с ревматизмом как-нибудь проживёт, а волшебное снадобье можно использовать с большим толком. Стеклодув надел свой единственный костюм, расчесал бакенбарды, вымыл руки, повязал галстук, начистил башмаки и с бутылочкой эликсира в кармане пошёл к самому красивому дому в городе, где и жила мисс Мидас.

Открыл ему дверь дворецкий и сразу сказал:

— Мыла, овощей, бриолина, книг и соды нам не надо. Хозяйка при смерти, а всё, что надо для похорон, у нас уже есть.

Стеклодув огорчился, что его приняли за коммивояжёра.

— Дружище, — начал было он гордо, но дворецкий его перебил:

— Могильных камней тоже не требуется. У семьи есть фамильный склеп.

— Да не понадобится этот клеп, если вы выслушаете меня! — вставил наконец слово стеклодув.

— Доктора, знахари, целители тоже ни к чему. Все уже побывали, да и госпожа не принимает больше докторов.

— Не доктор я! — опять сумел вклиниться стекло-
дув.

— И никто нам не нужен. А что у вас за дело?

— У меня есть волшебное снадобье. Я вылечу вашу
госпожу.

— Что ж, тогда войдите и подождите в передней. Я
скажу экономке, — пробурчал дворецкий чуть вежли-
вее. Он сказал экономке, та — управляющему, управ-
ляющий посоветовался с поваром, повар поцеловал
горничную и велел ей расспросить посетителя. Все
эти церемонии свойственны богачам, даже если они
при смерти.

Услыхав о волшебном лекарстве, горничная закри-
чала:

— О, счастье!

— Но, — строго заметил стеклодув, — как вы рас-
платитесь со мной? Я считаю, будет справедливо,
если ваша госпожа выйдет за меня замуж.

— Пойду спрошу, согласится ли она на это усло-
вие, — сказала горничная и отправилась к хозяй-
ке.

Мисс Мидас не колебалась ни секунды.

— Да за кого угодно — за нищего, за старика, — толь-
ко б не умереть! — воскликнула она. — Ведите его
скорее!

Стеклодув вошёл, достал бутылочку, развёл каплю эликсира водой и подал больной. В следующую минуту мисс Мидас прыгала и хлопала в ладоши.

— Какое счастье! — воскликнула она. — Ведь сегодня вечером приём у Фриттерсов. Я обязательно должна на нём появиться. Мэри, принеси моё серебристое шёлковое платье, я буду одеваться. И не забудь отменить заказ на похоронные венки и своё траурное платье!

— А как же наша свадьба? — не понял стеклодув. — Вы же обещали!

— Да-да, разумеется, — легко согласилась молодая дама, — только сначала надо дать объявления в газетах и напечатать приглашения. Заходите лучше завтра, мы все обсудим.

Она, конечно, была очень благодарна стеклодуву и даже сказала бы ему спасибо, но выйти замуж — это всё-таки слишком. Хорошо, хоть нашёлся предлог избавиться от жениха на время. Да и приём у Фриттерсов пропускать нельзя.

А счастливый и гордый мастер вернулся домой. Как удачно всё получилось: он женится на самой богатой невесте в городе! Прощай, тяжкий труд! И, войдя в свою комнату, он первым делом разбил стеклодувные инструменты и выбросил их в окно. Потом уселся

поудобнее и стал мечтать, как будет тратить денежки своей жены.

Он еле дождался утра следующего дня, чтобы отправиться к мисс Мидас. Та лежала, перелистывала роман, жевала шоколадки и будто и не болела никогда.

— Кстати, где вы достали то чудесное лекарство? — спросила она.

— У одного ученого колдуна, — простодушно ответил стеклодув. Он подумал, что его невесте будет интересно услышать эту историю, и рассказал, как сделал стеклянную собаку, которая сидит теперь у дверей колдуна и громко лает.

— Какая прелесть! — воскликнула мисс Мидас. — Мне всегда хотелось иметь лающую стеклянную собаку!

— Но такая всего одна, и она у моего соседа колдуна, — возразил стеклодув.

— Вы должны достать её для меня! Купить! — приказала дама.

— Легко сказать — купить, волшебнику-то деньги не нужны, — сказал он.

— Тогда украдите, — настаивала она. — Без стеклянной собаки я, кажется, опять заболею.

Стеклодув ужасно огорчился и сказал, что попробует. Ведь мужчина должен баловать свою жену по-

дарками, а мисс Мидас обещала выйти за него уже через неделю. По дороге он купил мешок, подкрался к двери волшебника, улучив момент, набросил мешок на собаку и завязал его верёвкой. На другой день он отправил мешок будущей жене с рассылным, а сам, подождав немного, пошёл следом, ожидая благодарности. Дворецкий отворил ему, и сразу же к двери со страшным лаем подскочила стеклянная собака.

— Заберите собаку! — закричал стеклодув.

— Не могу, сэр, — отозвался дворецкий. — Это приказ госпожи. Вы поостереглись бы, сэр. Ведь от её укуса у вас может развиваться стеклобоязнь.

И неудачливому жениху пришлось позорно бежать. Он остановился у лавки, где был телефон, и бросил в него свою последнюю монетку, радуясь, что сможет поговорить с мисс Мидас и не быть покусанным.

— Соедините меня с номером 67-42, — попросил он.

— Алло! — слышался голос.

— Мне бы мисс Мидас.

Через минуту сладчайший голосок произнёс:

— Я у телефона. Кто говорит?

— Почему вы так жестоки со мной и даже натравили на меня собаку? — спросил бедный стеклодув.

— Ну, по правде говоря, — начала молодая дама, — ваша внешность не в моём вкусе: какие-то бледные обвисшие щеки, дурная причёска, маленькие красные глазки, руки чересчур большие и грубые, да и ноги кривые!

— Что же я могу поделать, — попытался оправдаться стеклодув, — коли я таким родился! Но я ведь вылечил вас, и вы обещали...

— Будь вы посимпатичнее, я бы еще подумала. Но разве мы пара? Так что не смейте приближаться к моему дому, иначе я натравлю на вас свою стеклянную собаку! — И она бросила трубку, потому что добавить к такому нечего.

Несчастный стеклодув пришёл домой с разбитым сердцем. Он достал из-под кровати верёвку и стал вязать на ней узел. Жить ему больше не хотелось. Вдруг в дверь постучали, и в комнату вошёл колдун.

— У меня пропала собака, — грустно сообщил он.

— В самом деле? — равнодушно откликнулся стеклодув, довязывая узел.

— Кто-то украл её.

— Ужасно. — Мастер не проявил особого интереса.

— Вы должны сделать мне другую, — настаивал колдун.

— Не могу. Я выбросил все инструменты.

— Что же делать?

— Не знаю. Может, надо предложить награду тому, кто её найдёт.

— У меня же совсем нет денег! — огорчился всемогущий волшебник.

— Тогда предложите что-нибудь из ваших волшебных снадобий, — предложил стеклодув, делая на верёвке петлю и просовывая в неё голову.

— Есть одна вещица, без которой я смогу обойтись, — обрадовался колдун. — Порошок Красоты! Кто им себя посыплет, сразу станет самым красивым человеком на свете.

— Что! — вскричал стеклодув, отбрасывая верёвку. — Это не шутка?

— Конечно, нет.

— Если вы отдадите такое чудо, я сам постараюсь отыскать собаку. Я бы отдал всё на свете, чтобы стать красивым!

— Но предупреждаю, — пытался охладить его пыл колдун, — красота будет только внешней!

— Это ничего, — отмахнулся воодушевлённый стеклодув, — пусть меня хотя бы встретят по одежке!

И он убежал, сделав вид, что занят поисками. Вернувшись, стеклодув рассказал, как найти дом мисс Мидас, где теперь и живёт стеклянная со-

бака. Волшебник сразу отправился туда, а собака выбежала и стала на него лаять. Тогда волшебник вытянул руку, произнёс магическое заклинание, и собака сразу заснула. Колдун подхватил её и унёс к себе домой.

На следующий день колдун отдал стеклодуву Порошок Красоты, тот немедленно проглотил его и стал самым красивым мужчиной на свете. Когда он опять пришёл к мисс Мидас, собаки у дверей уже не было. Хозяйка дома увидела стеклодува и сразу влюбилась в него без памяти.

— О, если б вы были графом или принцем, я охотно вышла бы за вас замуж, — промурлыкала она.

— А я и есть принц, — ответил он. — Принц Стекланных Собак.

— Ах! — выдохнула она. — В таком случае, если вас устроит еженедельное содержание в четыре доллара, я сейчас же заказываю свадебные приглашения.

Стеклодув удивился скупости молодой дамы и колебался, но вспомнил об оставленной в комнате верёвке с петлёй, махнул рукой и согласился.

Вскоре они поженились. Невеста так завидовала красоте мужа, что его семейная жизнь оказалась хуже собачьей. Зато он умудрился залезть в долги и тоже изрядно отравил её существование.

Что касается стеклянной собаки, то волшебник опять поставил её перед своей дверью, где она, я думаю, лает на непрошенных гостей по сей день. Поэтому поговорить с волшебником по поводу морали этой истории мне никак не удаётся.

Королева Кукожной страны

Старый король однажды умер. Что ни говори, короли такие же смертные, как и их подданные. А этому королю умирать вообще было самое время, потому что жизнь его протекала чересчур расточительно для царственной особы. И его подданные даже не стали бы о нём горевать. Папа старого короля оставил сыну полную казну. Но глупый король промотал всё до последнего гроша, такую он вёл разгульную жизнь. Чтобы поправить дела, король обложил своих подданных непомерными налогами. Подданные быстро впали в нищету, а деньги на разгульную жизнь кончились ещё быстрее. Тогда король продал дворцовую мебель, столовое серебро, золотые блюда, ковры и безделушки, даже личный королевский гар-

дероб, оставив себе слегка побитую молью горностаевую мантию, которой прикрывал ещё более жалкую одежонку. Но и эти деньги разгульная жизнь съела в один присест.

Вы хотите узнать, что же такое разгульная жизнь? По правде говоря, я сам знаю о ней только понаслышке. Говорят, нет лучшего способа избавиться от денег. А король этот способ отлично знал.

Дворец опустел, но транжира-король не унывал: он выковырял все замечательные драгоценные камни из короны и скипетра и эти камни продал. Больше продавать было нечего: саму корону пришлось оставить — ведь никто, кроме короля, не имеет права надевать её. Само собой, остался и королевский дворец — ведь только король имеет право в нём жить.

Так и зажил он в пустом дворце, где осталось одно лишь королевское ложе, чтобы спать, маленькая табуретка, чтобы снимать башмаки, и побитая молью горностаевая мантия. До последней черты дошёл король: он выпрашивал несколько монеток у своего первого министра, чтобы купить себе бутерброд с ветчиной. Но и у первого министра было туго с деньгами: разве может процветать тот, кто даёт своему королю глупые советы?

И вот, когда никаких средств к существованию не осталось, король умер. В наследство своему десятилетнему сыну он оставил нищее королевство, корону без драгоценных камней и горностаевую мантию, как вы помните, побитую молью. Никто не завидовал бедному ребёнку, которого едва замечали, пока он не стал королём. Но отныне его персона была признана важной. По этому поводу первый министр созвал политиков и придворных на совет. Эти люди некогда помогали старому королю в его разгульной жизни, пока у того водились деньги. Теперь все они были бедны и слишком горды, чтобы работать. Зато желание что-нибудь ухватить у них осталось. И они придумали план, как пополнить королевскую казну и поживиться самим.

Когда совещание закончилось, первый министр отправился к юному королю, запускавшему во дворе волчок, и сказал:

— Ваше величество, мы долго размышляли и придумали, как вернуть нашему королевству былую мощь и великолепие.

— Ужасно интересно, — беззаботно ответил его величество. — И как это сделать?

— Вам надо жениться на девушке с богатым приданым, — торжественно произнёс министр.

— Жениться! — вскричал король. — Но ведь мне всего десять лет!

— Да, есть некоторое затруднение... Но ваше величество непременно вырастет, а интересы королевства требуют немедленного решения.

— Ну неужели вместо жены я не могу завести себе маму? — грустно-грустно спросил бедный маленький король, который свою мать даже не помнил.

— Разумеется, нет, — заявил министр. — Как же можно завести себе другую мать? Это против всякого закона, а вот жениться — это по правилам и в соответствии.

— Слушайте, а женитесь-ка вы сами! — придумал его величество, радуясь, что так ловко вывернулся. При этом он направил свой волчок на ногу министра и рассмеялся, когда тот едва успел отпрыгнуть.

— Позвольте объяснить, — сказал министр. — В вашей казне нет ни гроша. У вас вообще ничего нет, кроме королевства. Зато повсюду много богатых женщин, готовых отдать своё состояние за королевскую корону. И то, что король — ещё ребёнок, для них не имеет ни малейшего значения. Вот мы и подумали: кто больше предложит, та и станет нашей королевой. Конкурс такой, аукцион.

— Ладно, — сказал король, немного подумав. — Если уж это так необходимо, пусть я женюсь на Нине, дочери оружейника.

— Беднота! — возразил первый министр.

— Но у неё жемчужные зубки, аметистовые глазки и золотые волосы, — выпалил маленький король.

— Никто не спорит, ваше величество. Но подумайте: ведь богатства вашей жены надо будет пустить в дело, а разве можно пустить в дело жемчужные зубки, аметистовые глазки и золотые волосы?

Мальчик ужаснулся.

— Хорошо, я согласен, — сказал он безнадежно. — Только пусть эта жена будет поменьше, чтобы с ней можно было поиграть.

— Сделаем всё возможное, — пообещал первый министр и ушёл объявить всем соседним землям, что Куокскому юному королю срочно требуется жена. Желających дам объявилось множество, поэтому решено было выставить короля на аукцион. А королевою станет та, кто пополнит казну самым немаленьким состоянием.

В назначенный день они съехались из королевства Билконского, королевства Джанкумского, Мультравии и даже из отдалённой республики Маквельт.

Рано утром первый министр поспешил во дворец и позаботился, чтобы королевское лицо было умытым, а королевские вихры расчёсанными. Потом он набил корону старыми газетами, чтобы та прочнее сидела на голове его величества. Корона выглядела убого: с дырками из-под драгоценных камней, погнутая и потускневшая. Но всё равно она оставалась настоящей королевской короной. Только король имел право носить её, и сейчас по случаю аукциона она гордо красовалась на королевской макушке. Юный король сидел на табуретке, обернутый старой горностаевой мантией. Министр тщательно замаскировал ею порванный и выпачканный единственный костюмчик короля (в конце концов он был всего лишь мальчишкой!).

Обычно тронный зал пустовал. Но сейчас в нём толпились придворные, политики и все прочие, кто был слишком горд или ленив, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Их оказалось очень много, и они производили внушительное впечатление. Двери распахнулись, и богатые дамы, мечтавшие стать королевами, прошествовали в зал. Король вздрогнул: все годились ему в бабушки и могли бы работать пугалами на королевских огородах. Но богачки не обратили на короля никакого внимания. Они сразу обступили первого министра, который и повёл торги.

— На торги выставляется корона Куокской королевы, — во всеуслышание провозгласил он. — Ваши предложения, дамы!

— А где корона-то? — прошамкала привередливая старушка, только что похоронившая своего девятого мужа и стоившая несколько миллионов.

— Ну какая сейчас может быть корона? — сказал первый министр. — Кто больше заплатит, та и получит право её носить. И купит сама себе любую!

— А, понятно, — протянула привередливая старушка. — Даю четырнадцать долларов.

— Четырнадцать тысяч! — заверещала тощая, длинная дама с унылым морщинистым лицом.

(«Точь-в-точь печёное яблоко», — подумал про неё король.)

Разгорелась яростная торговля. Обнищавшие придворные ликовали: сумма обещала вырасти до миллионов!

— Этот малец ещё принесёт нам приличное состояние, — прошептал один придворный другому. — И мы с удовольствием поможем ему это состояние потратить.

А король испугался. Женщины, которые были на вид подороже и поприятнее, сдались, а тощая морщинистая дама, казалось, решительно настроилась по-

лучить корону и мужа-мальчишку в придачу. Старуха так разошлась, что парик сполз с её головы, а вставная челюсть то и дело норовила выпасть изо рта.

Наконец первый министр прокричал:

— Продано! Продано! Продано Мэри-Энн Проджински де ла Свински за три миллиона девятьсот тысяч шестьсот двадцать четыре доллара и шестнадцать центов!

Старуха с унылым лицом заплатила сразу и наличными. Разве одно это не доказывает, что перед нами истинно волшебная история?

Король расстроился, увидев такое чудище, и захныкал. Женщина тут же подскочила к нему и, не говоря ни слова, надрала уши. Но первый министр попенял ей:

— Мадам, что ещё за публичные наказания? Вот завтра поженитесь и наказывайте мужа, сколько хотите. В настоящий момент двору предпочтительно, чтобы все выглядело браком по любви.

Той ночью бедный король никак не мог заснуть. Он был в ужасе от своей будущей жены и мечтал о дочке оружейника. Он вертелся и крутился на жесткой постели. Уже лунный свет проник в окно и лёг на пол большой белой простыней. Наконец, повернувшись, наверное, в сотый раз, мальчик случайно нажал на

секретную пружину в изголовье королевского ложа. И тут же в изголовье со щелчком открылась дверца. Король посмотрел наверх, привстал на цыпочки, вытянул руку и вытащил небольшой свёрток. Развернув его, он обнаружил книжку, на первой странице которой были слова:

Чтобы жил король в покое,
Отступили чтоб враги,
Лист сложи бумажный вдвое,
А потом его сожги!

Стихи, конечно, не выдающиеся, но король им обрадовался.

— Врагов у меня точно хватает! — воскликнул он. — Сожгу-ка я листок, хуже не будет.

Он вырвал страницу и положил книжку обратно в тайник. Затем сложил лист пополам и поджёг его. Король сидел на краю кровати и смотрел на пламя. Бумажка была маленькой, а пепла получилось почему-то очень много. Дым рассеялся, и король страшно удивился, потому что на его табуретке сидел маленький толстенький человечек. Сложив на груди руки и скрестив ноги, толстячок курил чёрную вересковую трубку и посматривал на короля.

— Вот и я, — сказал человечек.

— Вижу, — выдавил юный король. — А как ты сюда попал?

— Ты ведь сжёг листок? — вместо ответа сам спросил толстяк.

— Сжёг, — подтвердил король.

— Значит, ты в беде, и я здесь, чтобы тебе помочь. Я — раб королевского ложа.

— Вот это да! — присвистнул король. — А я о тебе никогда не слыхал!

— Как, к счастью, и твой папаша. Иначе он продал бы и королевское ложе, и меня в придачу. Тебе повезло. А теперь скажи, чего ты хочешь.

— И сам не знаю, — сказал юный король. — Зато твёрдо знаю, чего не хочу. Не желаю даже видеть старуху, которая во что бы то ни стало хочет выйти за меня замуж.

— Это совсем просто, — заявил раб королевского ложа. — Надо просто вернуть ей деньги, которые она заплатила твоему первому министру, и объявить, что свадьбы не будет. И не бойся: ты — король, хоть и маленький, твоё слово — закон.

— Конечно, я — король. Но мне ужасно нужны деньги, — опечалился его величество. — На что мне жить, если первый министр вернет Мэри-Энн Проджински её миллионы?

— Тоже мне беда! Это ещё проще. — С этими словами человек запустил руку в карман и вытащил из него потёртый кожаный кошелёк. — Держи, — сказал он. — Ты теперь всегда будешь богат. Из этого кошелька ты сможешь вынуть сколько угодно серебряных монет в четверть доллара. Правда, только по одной, а следующая монета тебя уже будет дожидаться.

— Спасибо, — поблагодарил вежливый мальчик. — Ты оказал мне величайшую услугу.

— Пустяки, не стоит благодарностей, — ответил толстяк, попыхивая трубкой и глядя на кольца дыма в лунном свете. — Это всё, чего ты хочешь?

— Больше мне ничего не приходит в голову, — признался король.

— Тогда, пожалуйста, закрой потайную дверцу и зови меня в случае особой нужды — в книжке ещё остались страницы.

Мальчик так и сделал, а когда обернулся, раб королевского ложа уже исчез.

— Жаль, что я не успел с ним попрощаться, — сказал его величество, положил кошелёк под подушку, забрался в кровать и безмятежно проспал до утра.

Поднялся король с восходом солнца и немедленно послал за первым министром. Это влиятельное лицо предстало мрачным и угрюмым. Но перепол-

ненный счастьем мальчик не заметил этого и приказал:

— Я решил, господин первый министр, ни на ком не жениться. Я получил неожиданное наследство и приказываю вернуть старухе деньги. И не забудьте объявить публично, что свадьбы не будет!

Услышав приказ, министр задрожал. Он понял, что юный король решил по-настоящему править королевством. Вид у министра был таким виноватым, что его величество спросил:

— А теперь-то в чём дело?

— Государь, — дрожащим голосом проговорил бедняга. — Я не могу вернуть деньги. Я их потерял!

— Как потерял? — разгневался король.

— Просто, ваше величество. Я возвращался с аукциона и остановился у аптеки купить полоскание для горла — оно пересохло от моих громких выкриков (ваше величество не может не признать моих заслуг, ведь это моими трудами женщина заплатила такую огромную сумму!). Так вот, я оставил свёрток с деньгами на сиденье экипажа, а когда вышел из аптеки, свёртка не было! И вора я не заметил.

— А полиция? — спросил король.

— Полицейские оказались в другом квартале. Они пообещали найти вора, но надежды на это мало.

— Что же теперь делать? — вздохнул король.

— Боюсь, вам придётся жениться на Мэри-Энн Проджински, — вздохнул в ответ первый министр. — Если только вы не прикажете отрубить ей голову.

— Так поступать нехорошо, — отверг идею король. — Голову-то за что ей рубить? Лучше попробуем вернуть деньги, потому что жениться мне совсем не хочется.

— А что это за деньги, которые ваше величество получил? — полюбопытствовал первый министр. — Их действительно хватит, чтобы отдать долг?

— Хватит-хватит, — задумчиво проговорил король. — Правда, чтобы собрать всю сумму, потребуется некоторое время. Пожалуй, даже немало времени. Позовите эту женщину.

Министр отправился за Мэри-Энн Проджински и сообщил ей, что, увы, королевой она не станет, но деньги назад получит. Старуха побагровела от злости и так дёрнула министра за уши, что они горели целый час. Потом она ворвалась в тронный зал и потребовала вернуть ей не только всю сумму, но и проценты, которые набежали за ночь.

— Министр потерял ваши деньги, — мягко сказал юный король. — Но вам выплатят всё-всё до последнего цента из моего личного кошелька. Со-

жалею, только взять деньги вам придётся мелкими монетами.

— Безразлично, — буркнула Мэри-Энн и хмуро посмотрела на уши первого министра. — Но я желаю получить всё, что мне принадлежит по праву, включая проценты! Где деньги?

— Вот, — ответил король, протягивая министру кошелек. — Все деньги в серебряных четвертьдолларовых монетах, а доставать их надо строго по одной. Их там очень-очень много!

Стульев во дворце давно не водилось. Министр уселся в углу прямо на пол и начал доставать из кошелька серебряные монеты. Старуха расположилась прямо напротив него, брала каждую монету и считала. Такая большая сумма: три миллиона девятьсот тысяч шестьсот двадцать четыре доллара и шестнадцать центов. И четыре раза надо было залезть в кошелек, чтобы получился только один доллар.

Король так и оставил их, а сам отправился в школу. Шли дни, недели, месяцы, годы. Иногда король заходил в тронный зал — взять немного денег, чтобы править страной достойным образом. Это несколько задерживало счёт, но работа всё равно была долгой. Король вырос и женился на хорошенькой дочери оружейника. У них родилось двое прелестных детей.

Время от времени дети, играя, вбегали в тронный зал и видели дряхлого бородатого первого министра, который отсчитывал серебряные монеты высохшей старухе. Она следила за каждым движением министра, чтобы тот её не обсчитал и не обжулил. Ведь это такая большая сумма: три миллиона девятьсот тысяч шестьсот двадцать четыре доллара и шестнадцать центов. В монетах по четверть доллара.

Вот и вся история о том, как первый министр был наказан за глупость и безалаберность. И старуха Мэри-Энн Проджински де ла Свински наказана: желание получить королевскую корону — это ещё туда-сюда, но выйти замуж за десятилетнего мальчика... Поделом!

Девочка и кризис

Мама ушла за покупками. Она попросила Нору присмотреть за Джейн Глэдис, и Нора обещала. Но в этот день она чистила столовое серебро в кладовой, поэтому Джейн Глэдис осталась в гостиной одна.

Девочка ничего не имела против, потому что трудилась над первой в жизни вышивкой к папиному дню рождения. Она устроилась на широком подоконнике и склонила голову над работой.

Вскоре тихо открылась и снова закрылась дверь. Джейн Глэдис подумала, что это Нора, поэтому даже не обернулась на стук. Она как раз вышивала незабудку. Наконец, сделав несколько стежков, она подняла глаза и очень удивилась. Посреди комнаты стоял незнакомец и внимательно разглядывал девочку.

Он был невысок, толст, лыс и тяжело дышал после подъёма по лестнице. В руке он держал цилиндр, а под мышкой сжимал большую книгу.

— Извините, — начал он, пока девочка удивленно смотрела на него, — вас зовут Джейн Глэдис Браун?

— Да, сэр, — ответила она.

— Очень, очень хорошо! — Посетитель недобро усмехнулся. — Я приложил немало усилий, чтобы найти вас. Но кажется, мои труды увенчались успехом.

— А как вы вошли? — поинтересовалась Джейн Глэдис. Незнакомец не очень-то ей понравился.

— Секрет, — таинственно ответил подозрительный гость.

Девочка насторожилась. Собеседники настороженно смотрели друг на друга.

— Что вам угодно? — наконец нарушила она молчание.

— Вот-вот, давайте перейдём к делу, — сухо сказал мужчина. — Буду с вами совершенно откровенен. Ваш папаша оскорбил меня самым недостойным образом.

Джейн Глэдис вышла на середину комнаты и указала пальчиком на дверь:

— Немедленно покиньте наш дом! — Её голос дрожал от возмущения. — Мой папа — самый лучший! Он никогда никого не обижал!

— Позвольте объяснить, — продолжал посетитель, не обращая внимания на гневную тираду. — Ваш папа, наверно, очень о вас заботится. Но днём он сидит в своей конторе и там становится суров, особенно почему-то к книготорговцам. Позавчера я пришёл к нему и всего-то предложил купить полное собрание сочинений Питера Смита. И что, по-вашему, он сделал? — Девочка молчала, а толстяк все больше распалялся: — Он приказал мне убираться, потом позвал привратника, и тот выставил меня! Что вы теперь скажете о самом лучшем папе?

— Мой папа был прав! — заявила Джейн Глэдис.

— Ах, вы так думаете? Ладно, мы с ним покривимся. Но ваш папа силен и опасен, а потому пусть за всё ответит его маленькая дочка!

Джейн Глэдис вздрогнула.

— Что вы со мной сделаете? — спросила она.

— Я всего лишь подарю вам книжку, — ответил посетитель, садясь на краешек стула. Он достал из кармана авторучку и положил на колени принесённую с собой книгу.

— Я напишу на книге посвящение. Как пишется Глэдис?

— Г-л-э-д-и-с, — тихонько проговорила девочка.

— Ага, спасибо. — Посетитель встал и с поклоном передал ей книгу. — Это и будет моею маленькой ме-

стью. Теперь ваш папа пожалеет, что дурно обошёлся со мной и не купил самое полное собрание сочинений Питера Смита. Прощайте, милая!

Отвесив поклон, он направился к двери. Джейн Глэдис заметила, что странный коротышка, уходя, чему-то смеялся себе под нос.

Девочка с неожиданным подарком снова уселась на подоконник. Красно-жёлтая книга называлась «Всякая всячина». На первой странице красовалось девочкино имя, выведенное большими черными буквами.

— Какой всё-таки непонятный человек, — задумчиво сказала девочка, потом перевернула страницу и увидела нарисованного клоуна в зелёно-красно-жёлтом костюме, с белым лицом и красными кругами на щеках. Она разглядывала картинку, но книга внезапно задрожала в её руках, страница зашуршала, и клоун спрыгнул на пол. Он потянулся, весьма невежливо зевнул, глупо хихикнул и заявил:

— Так-то лучше! Как же неудобно всё время стоять на этом листе бумаги!

Джейн Глэдис даже подпрыгнула от удивления (было от чего!) и уставилась на клоуна.

— Не видели ничего подобного? — продолжал он, по-клоунски нахально таращась на Джейн Глэдис.

Потом он оглядел комнату, а девочка не могла удержаться от смеха, несмотря на своё изумление.

— И что же вас так удивляет? — потребовал ответа клоун.

— У вас вся спина белая, — сказала девочка. — В самом деле, я не вру, вы клоун только спереди!

— Естественно, — рассердился клоун. — Этот... художник... он просто не мог нарисовать мне спину — ведь она была прижата к странице.

— Вы такой забавный! — Джейн Глэдис так смеялась, что из глаз у неё потекли слёзы.

Клоун ужасно рассердился и специально уселся на стул, чтобы не было видно его спину.

— Между прочим, я в этой книжке не один, — пробурчал он.

Тут девочка вспомнила про книжку, и ей стало страшно интересно, что там дальше. Она перевернула страницу и обнаружила картинку с обезьяной. Страница сразу зашуршала, и обезьяна прыгнула на подоконник рядом с Джейн Глэдис.

— Хе-хе-хе-хе, — затараторило животное, перескочив на стол. — Какое счастье! Я теперь — настоящая обезьяна, а не какая-то там картинка! Вот повезло!

— Настоящие обезьяны не разговаривают, — укоризненно сказала Джейн Глэдис.

— Ты-то откуда знаешь? Ты тоже из обезьян? — спросило животное и засмеялось. Следом загоготал и клоун, которому понравилась последняя фраза.

Девочка была совершенно сбита с толку. Она рассеянно перевернула ещё одну страницу, и из книжки тут же выбежал серый ослик. Он неловко соскочил с подоконника и громко зацокал по полу копытами.

— Как вы неуклюжи! — сердито сказал ребёнок.

— Конечно, я неуклюжий, — подтвердил ослик. — Этот глупый художник не имеет никакого понятия о перспективе! Станешь тут неуклюжим.

— А что с вами случилось? — поинтересовалась Джейн Глэдис.

— Мои передняя и задняя левые ноги на целых шесть дюймов короче правых, вот что! Если художник не умеет рисовать, зачем он нас мучает?

— Этого я не знаю, — ответила девочка.

— Я и стою-то с трудом, — пожаловался ослик. — Того гляди упаду.

— Твоя беда — пустяки, — затарахтела обезьяна, перескочив на люстру и раскачиваясь на хвосте (Джейн Глэдис даже испугалась, что она разобьёт стеклянные шары с лампочками). А вот мне этот художник пририсовал огромные уши, хотя каждый знает, что у нашей породы обезьян ушки совсем маленькие!

— Судить его надо, — мрачно пробормотал клоун. — Я-то вообще остался без спины.

Джейн Глэдис озадаченно поглядывала на собеседников и случайно перевернула следующую страницу книги. Быстрый, как молния, пятнистый леопард перескочил через её плечо, приземлился на спинку большого кожаного кресла и резко повернул к остальным хищную морду. Обезьянка замерла на люстре и быстро-быстро залопотала от испуга. Ослик попытался было удрать, но сразу повалился на левый бок. Клоун присвистнул, вцепился в стул, а лицо его стало уж совсем белым. Тем временем леопард, хлеща себя хвостом по бокам, оглядывал всю компанию.

— Кого ты съешь первым? — решился спросить ослик, пытаясь встать на четыре ноги.

— Съесть, говоришь? Никого, — печально ответил хищник. — Этот художник нарисовал меня с закрытой пастью — ни одного зуба не показал. Да и о когтях забыл. Но я ведь всё равно страшный, правда?

— Ещё какой! — с облегчением отозвался клоун. — На первый взгляд ты просто ужасен. А без клыков и когтей ты вообще-то нам очень симпатичен.

Леопард обиделся и зарычал, но обезьяна только захохотала. Но тут книга соскользнула с девочкиных колен и, упав, раскрылась на самой последней стра-

нице. И оттуда на Джейн Глэдис взглянул самый свирепый из медведей — гризли. Девочка отпрянула, но медведь успел выбраться из книги, прежде чем она захлопнулась.

— Р-р-р! — зарычал леопард. — Теперь берегитесь! У этого есть и когти, и зубы, посмейтесь-ка теперь!

— Что есть, то есть: и длинные когти, и острые зубы, — подтвердил медведь глубоким басом. — И я хорошо умею ими пользоваться. В этой книжке ещё написано, что я страшный, жестокий и безжалостный. И больше всего на свете люблю есть маленьких девочек вместе с туфельками, ленточками и бантиками. А когда съем, то, как пишет автор, облизываюсь и радуюсь, какой я бессовестный!

— Вот ужас! — прокричал ослик, садясь на задние ноги и грустно тряся головой. — Как ты думаешь, а почему автор сделал тебя таким безжалостным к маленьким девочкам? Скажи, а животных ты тоже ешь?

— В книге ничего про другую пищу не сказано, — прорычал медведь.

— Прекрасные новости, — обрадовался клоун. — Когда проголодаешься, можешь сразу приступить к Джейн Глэдис. Пусть не насмехается надо мной из-за моей спины!

— И пусть не смеётся над моими разными ногами, — прокричал осел.

— Да вас всех надо бы съесть, — заметил леопард со спинки кресла. — Нечего было смеяться над тем, что у меня нет когтей и зубов. Господин Гризли, не хотите ли после девочки закусить клоуном, ослом и обезьяной?

— Тогда уж заодно и леопардом, — проворчал медведь. — Дело нетрудное, надо только проголодаться как следует. Но девочку всё-таки на первое, ведь автор пишет, что я люблю их больше всего на свете.

Джейн Глэдис здорово перепугалась. Теперь-то она поняла, как собирался отомстить тот странный человек, подаривший ей книжку с картинками. И почему папа не купил полное собрание сочинений того Питера Смита? Когда папочка вернётся с работы, он увидит, что страшный гризли съел его доченьку вместе с туфельками, ленточками и бантиками.

Медведь встал на задние лапы.

— Я такой в книжке, — пояснил он. — А теперь смотрите, как я ем маленьких девочек.

И он двинулся к Джейн Глэдис. Клоун, обезьяна, ослик и леопард ждали, что будет дальше.

Но только медведь сделал шаг, как Джейн Глэдис кое-что сообразила.

— Стой! — закричала она. — Ты не можешь меня есть! Так не по правилам!

— Почему это? — удивился медведь.

— Я ведь твоя хозяйка, и ты мне принадлежишь, — заявила она.

— С чего ты взяла? — разочарованно рыкнул гризли.

— Сам подумай: книга подарена мне, на первой странице написано мое имя. А вы все — часть книги. Поэтому по правилам я — ваша хозяйка.

Гризли был озадачен.

— Кто-нибудь тут умеет читать? — спросил он.

— Я умею, — объявил клоун.

— Проверь тогда, правда ли, что на книжке написано её имя.

Клоун поднял с пола книгу и раскрыл на первой странице.

— Здесь написано: Джейн Глэдис Браун. К тому же большими буквами!

Медведь горестно вздохнул.

— Получается, не могу я её съесть, — согласился он. — Этот писатель меня разочаровал — хотя они почти все такие.

— Но художник ещё хуже, — вставил ослик, который всё ещё пытался удержать равновесие.

— Вы сами во всём виноваты, — строго отчитала их Джейн Глэдис. — Кто вас заставлял выпрыгивать из книжки?

Звери уставились друг на друга, а клоун покраснел под своей белой краской.

— И в самом деле, чего это мы? — недоумённо прорычал гризли, и тут громко зазвонил дверной колокольчик.

— Мама пришла! — закричала девочка. — Ну, теперь держитесь...

Но животные с клоуном во главе, не дослушав её, ринулись к книге. Через мгновение на полу лежала обыкновенная книжка с картинками, а странные гости исчезли, будто их и не было вовсе.

Вот так: никогда не теряй головы, а то съедят прежде, чем прозвонит колокольчик!

Закадрованные буквы

Жил на свете некий гном. И захотелось ему испытать чего-нибудь новенького в жизни. Вообще-то гномы очень могущественны (столь же могущественны, пожалуй, только феи и эльфы). Стоит появиться у него любому желанию, как всё сразу исполняется. Что ещё нужно для счастья? Но гном Пуппо за тысячи лет успел испытать все удовольствия на свете, и жизнь его стала такой же скучной и нудной, как жизнь обычного человека, который не может добиться исполнения хотя бы одного своего желания. Тут-то он и вспомнил о людях и решил навестить обитателей соседнего города: ведь новое развлечение могло скрасить ему утомительные часы ничегонеделанья.

И вот однажды утром после изысканного завтрака (и не пытайтесь представить себе, что это такое) Пуппо оказался в большом городе. Сам он жил в очень тихом месте, поэтому городской шум озадачил его. Он осматривался по сторонам ровно три минуты, и его чувствительная нервная система не выдержала — и Пуппо поспешил домой. Но скоро монотонная скука подступила опять. И тут в голову гнома пришла наплохая мысль: люди по ночам спят, и в городе должно быть тихо. Не полететь ли ему в город ночью?

Выбрав подходящий момент, Пуппо в одно мгновение перенесся в ночной город и принялся бродить по улицам. Все действительно спали. Не грохотали машины по мостовой. Не вопила толпа. Даже полицейский добродушно дремал, потому что воры тоже не шумели и не показывались на глаза. Гном успокоился. Приключение стало ему нравиться. Он входил в дома и осматривал комнаты — ведь замки и темнота гномам не помеха. Пуппо добрался до района магазинов и контор. Бессмертные обходятся без товаров и всяческих универмагов, им не нужны деньги и биржи, они знать не знают, что такое товарообмен. Поэтому гнома чрезвычайно заинтересовали вещи, стоящие на полках. Гуляя, забрел он и в магазин дамских

шляп. Там были стеклянные витрины со шляпами, украшенными чучелками птиц. А на некоторых было даже по две и по три птички.

Гномы любят птиц и хорошо с ними знакомы. Пуппо очень огорчился, увидев своих друзей запертыми в стеклянных ящиках. Он и понятия не имел, что птички не настоящие. Поэтому он приоткрыл одну витрину и негромко свистнул. Птицам отлично известен этот свист. Он значит:

— Летите, друзья! Дверь открыта, путь свободен!

Хотя птицы и не были настоящими, но зову гнома они были обязаны подчиняться. Они слетели со шляпок, вылетели из стеклянной витрины и запорхали по комнате.

— Бедняжки! — прослезился добросердечный гном. — Как же вы соскучились по полям и лесам!

Затем он открыл входную дверь и воскликнул:

— Улетайте! Вы свободны! Будьте счастливы!

Удивленные птицы повиновались и взмыли в ночное небо, а гном закрыл дверь магазина и пошёл дальше по улицам. Он увидел ещё много интересного, но близился шумный день, и Пуппо поспешил домой.

На следующую ночь он вернулся в город. Проходя мимо шляпного магазина, гном заметил в окнах свет. Незаметно зайдя внутрь, он увидел двух женщин,

одна из которых горько плакала, а другая её утешала.

— Не плачь, сестра, — говорила она. — Пусть всех птиц и украли, но сами-то шляпы остались!

— Ах, милая, — сказала другая, — кто же их теперь купит? Шляпки без птиц вышли из моды! Я разорена! Я полностью разорена!

Шляпница снова залилась слезами, а гном тихонько удалился. Ему стало стыдно, что его любовь к птицам сделала кого-то несчастным. Женщины погоревали и ушли, а Пуппо поздней ночью вернулся к магазину. Ему хотелось как-то украсить шляпы, чтобы бедная женщина опять была счастлива. Он ходил, искал чего-то, забрался даже в подвал соседнего дома. В подвале жило многочисленное семейство маленьких серых мышей. Они тихонько воровали еду в соседних домах, прогрызая стенки кладовых, и не причиняли никому особого беспокойства.

— Вот что мне нужно! — обрадовался Пуппо. — Мышек я на шляпы и помещу! У них мягкий мех, почти как птичьи перья, и вообще они такие милые и грациозные. К тому же красть перестанут.

Гном произнёс волшебные слова, и все мыши собрались вокруг него. Тогда он приказал им забраться

на дамские шляпки, занять бывшие птичьи места и не шевелиться.

«Очень мило, даже изысканно», — решил несведущий в таких делах Пуппо и спрятался в магазине, чтобы утром увидеть, как обрадуется шляпница.

Женщины пришли рано утром. Лицо шляпницы было заплаканно. Она подмела пол, вытерла пыль и подняла шторы. Потом мастерица открыла стеклянную витрину и достала одну из шляп, чтобы посмотреть, можно ли её как-то поправить. И тут среди лент и кружев она увидела крошечную серенькую мышку. Женщина испустила громкий вопль, выронила шляпу и одним прыжком оказалась на столе. Её сестра вскочила на стул и закричала:

— Что это?

— Мышь! — дрожа от страха, выговорила шляпница.

Пуппо, увидев переполох, понял, что мыши не особенно радуют человеческие существа женского пола. Он опять совершил ужасную ошибку. Тогда гном свистнул по-мышинному, и все грызуны попрыгали со шляп, кинулись в открытую дверь и скрылись в подвале. Но женщины оказались так напуганы, что, ещё раз вскрикнув, рухнули на пол без чувств.

Пуппо был добрым гномом, но получилось, что по невежеству он принёс людям сплошные несчастья.

Огорчённый гном отправился домой, оставив бедных женщин приходить в себя самостоятельно. Он сильно загрустил, но чувство ответственности заставляло его напряжённо размышлять: как всё уладить? Думал он долго и понял, что птиц всё-таки следовало вернуть в стеклянную витрину. Они, конечно, опять попадут в неволю, но, похоже, прочие неприятности на этом прекратятся.

Гном отправился на поиски птиц, которые успели улететь довольно далеко. Но Пуппо ничего не стоило догнать их, и через секунду он увидел всю стаю, щебечущую на ветвях каштана.

Увидев гнома, птицы дружно запели:

— Спасибо, Пуппо! Спасибо, наш освободитель!

— Не благодарите меня, — грустно сказал гном. — Я пришёл отослать вас обратно в шляпный магазин.

— Но почему? — сердито спросила сойка, а остальные птицы приумолкли.

— Потому что вы принадлежите хозяйке магазина, а теперь она несчастна, — попытался объяснить им Пуппо.

— Но мы тоже были несчастны в стеклянной клетке, — печально пропела малиновка. — Может, мы и принадлежим той женщине, но ты же гном, друг всех птиц, ты знаешь, что мы родились свободными. Это

жестокие люди подстрелили нас, сделали чучела и продали шляпнице.

Пуппо был озадачен.

— Так ведь люди снова подстрелят вас! — сказал он.

— Нет уж! — трещала сойка. — Нас теперь не подстрелить! Мы — чучела! Сегодня утром один охотник уже стрелял в нас, но лишь взъерошил перья, а его пули застряли в набивке. Мы никого не боимся!

— Послушайте, друзья, — повысил голос Пуппо, потому что не мог их переспорить. — Если я не верну вас, шляпница разорится. Вы на шляпах просто необходимы. Это сейчас очень модно! Пусть там полно лент и кружев, но без вас шляпы не продашь.

— Мода! — торжественно проговорил черный дрозд. — Её люди придумывают. Разве у птиц и гномов есть закон, чтобы мы становились рабами моды?

— Вот именно, нам-то что до моды? — прощепетала коноплянка. — А если бы мода потребовала сажать на шляпы маленьких гномиков?

Пуппо был в отчаянье. И птиц отсылать обратно казалось неправильным, и не хотел он, чтобы шляпница страдала. Гном решил вернуться домой и всё хорошенько обдумать в тишине. Думал он думал, да так ничего и не придумал и отправился за советом к королю гномов.

Выслушав рассказ своего подданного, король нахмурился:

— Вот, будет тебе наука. Нечего болтаться среди людей. Но раз уж из-за тебя возникло столько неприятностей, надо их исправлять. В рабство наших птиц отдавать нельзя, значит, ты должен... изменить моду! Чтобы птиц вообще не носили на дамских шляпках!

— Но как это сделать, ваше величество? — робко спросил Пуппо.

— Нет ничего проще. Мода меняется, когда люди устают от однообразия. Вот открывают они свои газеты и журналы и читают, что сегодня мода такая-то или такая-то. Люди никогда это не обсуждают, а сразу подчиняются. Ты пойдёшь в редакции газет и журналов и заколдуешь буквы.

— Заколдую буквы?! — удивился Пуппо.

— Вот именно. Заставь их написать, что носить птиц на шляпках уже не модно. У твоей бедной шляпницы сразу окажется очень модный товар, и тысячи птичек тоже спасутся.

Пуппо поблагодарил мудрого короля и полетел исполнять приказание. Гном обошёл редакции всех газет в каждом городе, пока по всей стране не появились заметки о новой моде. Иногда Пуппо заколдовывал буквы, и все читали только то, что хотел гном. Иногда

он вкладывал нужные слова прямо в головы ужасно занятых редакторов, и тогда сразу появлялись нужные статьи. Если задуматься, некоторые мысли в наших головах вот так и появляются, будто внушенные маленькими мудрыми феями, гномами или эльфами.

На следующее утро бедная шляпница открыла газету и прочитала, что «носить птиц на шляпах совсем не модно, это — вчерашний день», а «носить надо только ленты и кружева». Как вы можете себе представить, радость женщины не знала границ. И Пуппо получил большое удовольствие, обходя шляпные магазины и выпуская на волю птиц. В один день все они стали немодными и были выброшены за ненадобностью. Птицы полетели в леса и поля, распевая благодарственные песни доброму гному.

Иногда охотник, случается, долго целится в птичью стаю, стреляет, но безо всякого результата. Теперь-то мы знаем почему!

Смешливый гиппопотам

На одном из притоков реки Конго жило старое аристократическое семейство гиппопотамов. В тех краях они поселились очень давно и гордились, что их родословная уходит во времена до Всемирного потопа, да что там — до появления человека, когда мир был ещё новёхоньким. Поэтому в реке гиппопотамам были знакомы все изгибы и извивы, все ямы и омуты, любой камешек и каждая травинка на берегу. Все вокруг им казалось родным и близким, как их собственные матери. Наверное, гиппопотамы там живут и поныне.

Однажды у царицы гиппопотамьего племени родился сын. Он был таким пухленьким и кругленьким, что царица назвала его Кео. На гиппопотамьем

языке (если перевести с него правильно) Кео на самом деле означает «ленивый и толстый», а не «пухленький и кругленький». Но царице никто об этом сказать не посмел, потому что у неё были длинные и острые клыки, а Кео она считала лучшим младенцем на свете.

Какой же он был хорошенький (с точки зрения гиппопотама, конечно), когда играл и катался в мягком иле! Время от времени он вразвалочку выбирался на берег пожевать листья дикой капусты и вообще радовался жизни с утра до вечера. Это был самый развесёлый гиппопотамчик во всём почтенном семействе. Его красные глазки всегда искрились от удовольствия, и он радостно смеялся по любому поводу и даже просто так, безо всякого повода. Чернокожие люди, жившие в лесах по соседству, прозвали его Иппи-Хохотун, но близко подходить к нему побаивались из-за грозной матушки и многочисленных не менее грозных дядюшек и тетушек.

Вообще-то эти люди очень любили свежую гиппопотамину, что было хорошо известно гиппопотамам. А ещё, когда людям удавалось изловить живого гиппопотама, они садились на него верхом и заставляли скакать по джунглям — их пленник становился настоящим рабом.

Зато и гиппопотамье племя яростно кидалось на чернокожих, едва почуяв их запах. И при случае пропарывали врагов острыми клыками или затапывали огромными ногами.

Так и тянулась эта извечная война.

А надо вам сказать, что в одной из деревень этих чернокожих людей жил человек по имени Гоуи. Он доводился внуком деревенскому колдуну по прозвищу Чудо Без Костей, потому что колдун мог, как змея, сворачиваться в кольца. Из-за своей удивительной гибкости ходил он слегка покачиваясь, но чернокожие его очень уважали.

Хижина Гоуи была сплетена из веток и обмазана глиной, а вся его одежда состояла из травяной юбочки. За родство с колдуном он тоже пользовался уважением соплеменников, а сам он больше всего любил поразмышлять в одиночестве. Само собой, частенько думал он о своих врагах, гиппопотамах, и о том, как их извести.

И Гоуи придумал. Меж двух речных излучин он принялся копать широкую и глубокую яму. Потом он прикрыл яму ветками и присыпал сверху землёй так искусно, что никто бы и не догадался, какая там внизу большая ямища. Когда всё было готово, Гоуи довольно улыбнулся и ушёл домой ужинать.

В тот же вечер матушка-царица гиппопотамов попросила своего чудесного малыша Кео:

— Сбегай, пожалуйста, позови дядюшку Никки. Я нашла какое-то странное растение. Надо посоветоваться, можно ли нам его есть.

Хохотун радостно засмеялся и побежал выполнять поручение. Он чувствовал себя важным и значительным, как любой малыш, которого первый раз в жизни послали в бакалею за углом.

— Ух-ух-ух, — смеялся Хохотун на бегу (ведь гиппопотамы смеются именно так). Он выбрался из речной грязи, где ещё разок повалялся, и стал продираться сквозь кусты. Матушка, наполовину высунувшаяся из воды, слушала его мелодичное «ух-ух-ух», замирающее вдали.

А у Кео было замечательное настроение. Поэтому он здорово удивился, когда земля под ним расступилась и он упал на дно глубокой ямы. Кео не поранился — только ударился носом, перестал смеяться и задумался. Стенки ямы казались очень высокими, и он понял, что попал в плен. Тогда, ещё немного посмеявшись над своей бедой, он уснул и прохрапел до утра.

Утром Гоуи пришёл к яме и, заглянув в неё, воскликнул:

— Надо же, Иппи-Хохотун попался!

Учуяв человеческий запах, Кео попытался задрать голову и укусить врага. Тогда Гоуи заговорил на гиппопотамьем языке, которому выучился у дедушки-колдуна:

— Успокойся, малыш. Ничего не поделаешь, ты — мой пленник.

— Конечно, я сейчас успокоюсь, как только доберусь до твоей ноги! — проревел Кео и — «ух-ух-ух» — рассмеялся собственной шутке.

Гоуи был весьма рассудителен. Он не стал спорить и ушёл. А вернулся только на следующее утро, когда Кео успел так проголодаться, что даже смеяться перестал.

— Теперь сдаёшься? — спросил Гоуи. — Или всё равно драться хочешь?

— А если я сдамся, что ты со мной сделаешь? — поинтересовался Кео.

Охотник задумался и почесал в затылке:

— Даже не знаю, Иппи. Для работы ты мал, клыки у тебя не выросли, так что и убивать тебя не стоит. Зачем ты мне только попался! Почему не твоя матушка или кто-нибудь из дядюшек...

— Ух-ух-ух, — рассмеялся Кео. — Тогда отпусти меня, человек, раз тебе от меня всё равно никакого проку.

— Ну нет, — заявил Гоуи, а поразмыслив, добавил: — Впрочем, мы можем заключить соглашение.

— Какое ещё соглашение? Говори скорее, а то я очень проголодался, — торопил его Кео.

— Поклянись клыками своего дедушки, что вернёшься ко мне через год и один день, и я отпущу тебя.

Это была страшная клятва — клыками дедушки, — и юный гиппопотам задумался. Но год и один день — такой длинный срок, а есть хотелось ужасно. Кео расхохотался:

— Ладно, я клянусь клыками моего дедушки вернуться к тебе через год и один день. Отпускай меня скорее!

Гоуи обрадовался. Он-то знал, что к тому времени гиппопотамчик станет почти взрослым. И человек стал подкапывать один край ямы, сбрасывая землю вниз, пока не сделал пологий подъём.

Кео был так счастлив, когда опять ступил на твёрдую землю, что громко засмеялся, а потом сказал:

— До свиданья, Гоуи. Жди меня ровно через год и один день.

И побрёл к реке, чтобы наконец позавтракать и повидать родственников. А Гоуи вернулся в деревню. Дни пошли за днями, недели за неделями. Временами в отда-

лении слышалось «ух-ух-ух» веселого гиппопотама. Тогда и человек улыбался, потому что время летит быстро.

Вернувшись живым и невредимым к маме, Кео, конечно, всё рассказал о яме и страшной клятве. Гиппопотамы заплакали; ведь их любимчик через год и один день должен будет стать рабом. Они так плакали, что от потока слёз река чуть не вышла из берегов. Кео только смеялся, но взрослые решили собраться и обсудить дело всерьёз.

Дядюшка Никки сказал:

— Маленький Кео поклялся страшной клятвой. Придётся сдержать слово. Но наш долг — спасти его от рабства и смерти.

Все согласились, однако придумать ничего не могли. Бежали дни, гиппопотамы грустили, один Хохотун не печалился. А когда до назначенного срока осталась всего неделя, обеспокоенная матушка-царица созвала племя ещё раз. Весёлый гиппопотам к тому времени здорово вырос: до пятнадцати футов в длину и шести в высоту, а клыки его стали острее и крепче слоновьих бивней.

— Если мы ничего не придумаем, я умру от горя, — объявила всем матушка-царица.

Тогда родственники стали предлагать разные глупости, а очень большой и мудрый дядюшка Неп в конце концов посоветовал:

— Надо идти к Глинкомоку и просить о помощи.

Все сразу приумолкли: ведь требовалась большая храбрость, чтобы предстать перед могущественным Глинкомоком. Но материнская любовь способна на подвиги, и царица не колебалась ни минуты:

— Я сама пойду к нему.

Дядюшка Неп взрыхлил передней ногой ил, задумчиво покачал из стороны в сторону коротким хвостом и тоже решил:

— Мы всегда слушались советов Глинкомока и уважали его. Я не боюсь идти к нему и провожу тебя.

Остальные гиппопотамы одобрительно заревели, радуясь, что не им предстоит это путешествие. Царица же с дядей Непом и Кео пустились в путь. Целый день они плыли по реке и на закате приблизились к скале, под которой была пещера — жилище ужасного Глинкомока. Это устрашающее создание жило с сотворения мира и было одновременно рыбой, зверем, птицей и человеком. В нём скопилась тысячелетняя мудрость, и он стал колдуном, магом и даже чуть-чуть феей. О нём знали только древние звери, а люди и не подозревали о его существовании.

Гиппопотамы замерли перед пещерой и хором приветствовали Глинкомока. Он медленно двинулся

к ним из глубины пещеры. Гиппопотамы не смели взглянуть на него и опустили головы.

— Мы пришли, Глинкомок, молить тебя о помощи, — проговорил дядюшка Неп и рассказал о поимке Кео и слове, данном человеку.

— Своё слово надо держать, — выдохнул Глинкомок. Мать-гиппопотамиха застонала.

— Но я помогу вам и сделаю так, что Кео победит человека и останется свободным, — договорил Глинкомок.

Кео засмеялся.

— Подними правую переднюю ногу, — приказал Глинкомок. Кео повиновался. Великий Глинкомок дотронулся до неё длинным волосатым языком, четырьмя тощими руками коснулся его головы, а потом пробормотал какие-то слова на неизвестном языке: ни птичьим, ни рыбьим, ни звериным, ни человеческим. И наконец, сказал по-гиппопотамьи:

— Теперь никто не сможет даже поранить твою шкуру. Ты стал сильнее десяти слонов и быстрее ветра, а ум твой теперь острее шипов терновника. Пусть люди тебя боятся, а ты не бойся никого. Ты — самый великий из гиппопотамов!

И ещё что-то прошептал Глинкомок Кео на ухо, а потом бесшумно вернулся в пещеру.

Трое гиппопотамов долго стояли у входа, и их благодарный рёв разносился под сводами. Потом они погрузились в воду и, радостные, пустились в обратный путь. Правда, дядя Неп то и дело вздрагивал, вспоминая Глинкомока, но Кео ужасно веселился всю дорогу домой, нырял и плавал кругами.

И вот назначенный день настал. Гиппопотамы расцеловали Хохотуна на прощанье, но отпустили его с лёгким сердцем и долго слушали весёлое «ух-ух-ух», разносящееся по джунглям.

Гоуи считал дни до встречи с Кео. Увидев малыша, он был поражён его нынешними размерами и подумал, что соглашение оказалось на редкость удачным. Пришло время полакомиться гиппопотаминой! Всего зверя он, конечно, не съест, но остатки всегда можно продать соплеменникам. Гоуи взял нож и попытался проткнуть им гиппопотамью шкуру, но острый нож только скользнул по ней. Топор тоже оказался бессилен. Кео смеялся.

— Ладно, раз убить и съесть тебя нельзя, буду на тебе ездить! — решил Гоуи. Он взобрался гиппопотаму на спину, и тот потрусил через деревню, ничего не имея против пробежки. Соседям Гоуи пленник очень понравился. Они просили дать и им покататься на спине Хохотуна. Гоуи согласился, беря за использование гип-

попотама плату браслетами, бусами из ракушек и золотыми украшениями. Целая дюжина деревенских жителей уселась на спину Кео, и один из них, устроившийся ближе остальных к уху гиппопотама, прокричал:

— Давай рысью, грязное животное!

И Кео побежал. Быстрее ветра, прочь от деревни, прямо через джунгли. Наездники были от ужаса, а Хохотун громко хохотал. Так добежал он до пещеры Глинкомока, бросился в реку и нырнул до самого дна. Люди барахтались в воде, а Глинкомок уже поджидал их. Когда гиппопотам вынырнул, никого из людей не было видно.

Кео вернулся в деревню один, и Гоуи удивился:

— Где же мои двенадцать сородичей?

— Не знаю, — ответил Кео, — я их довольно далеко завёз, и они там далеко и остались.

У Гоуи было ещё много вопросов, но толпа ждущих своей очереди покататься торопила его. Они ведь тоже заплатили за поездку. Новые наездники устроились на спине гиппопотама. Оказавшийся ближе к уху приказал:

— Скачи, грязная речная свинья, и побыстрее!

И Кео побежал, быстрый, как ветер, к пещере Глинкомока. И снова вернулся без седоков.

Гоуи заволновался, оставшись один во всей деревне. Он сам оседлал гиппопотама и закричал:

— Вперёд, водяная корова! Вези меня к моим соплеменникам!

Кео рассмеялся весёлым «ух-ух-ух» и помчался, как ветер. Но отправился он не к страшной пещере, а прямо к берегу реки, где жило семейство гиппопотамов. Он бросился в воду и нырнул, оставив Гоуи барахтаться посреди реки. Гоуи поплыл было к правому берегу, но вовремя заметил поджидающего его дядюшку Непа с племянниками. Тогда Гоуи повернул к левому берегу, но увидел, что его там ждут не дождутся матушка-царица с дядей Никки. Человек громко завопил от страха, но тут рядом с ним вынырнул Хохотун, и Гоуи взмолился:

— Пожалуйста, спаси меня, и я освобожу тебя от твоей клятвы!

— Теперь это не слишком большая цена, — рассмеялся Кео.

— Я сам буду служить тебе, — упрашивал человек. — Сделаю всё, что ты пожелаешь!

— А ты вернёшься ко мне через год и один день, если я помогу?

— Да! — вскричал Гоуи что было сил.

— Поклянись костями своего дедушки, — приказал Кео. Он подумал, что это страшная клятва — ведь клыков у людей нет.

Гоуи поклялся, не задумываясь. Тогда гиппопотам подплыл поближе, и человек опять вскарабкался на него. Они выбрались на берег, и гордый Кео поведал всему семейству о соглашении с врагом: ровно через год и один день Гоуи вернётся и станет рабом всего гиппопотамьего племени. На том и позволили человеку уйти, а Хохотун снова зажил вместе со всеми сородичами и по-прежнему радовался жизни.

Но Гоуи не вернулся. Напрасно всматривался в даль наивный Кео. Человек завязал в узелок все браслеты, бусы из ракушек и золотые украшения и сбежал в далекую страну, где и слыхом не слыхивали о старом аристократическом семействе гиппопотамов.

В далекой стране Гоуи стал богачом, важным и чванливым. Вот только никак не мог он уснуть по ночам: его мучила совесть, потому что когда-то он поклялся костями своего дедушки, а звали-то дедушку Чудо Без Костей.

Вашеёные леденцы

Жил-был в Бостоне старый мудрый аптекарь доктор Доус, который чуть-чуть поколдовывал. И жила в Бостоне молодая дама Клэрибел Садс. Она была очень богата, невыносимо глупа и безумно хотела выступать на сцене. Однажды Клэрибел отправилась к доктору Доусу и заявила:

— Я не умею петь и танцевать, читать стихи и играть на рояле, не могу садиться на шпагат и задира́ть ноги, как акробаты. Но я не могу жить без сцены! Посоветуйте что-нибудь.

— И вы согласны платить? — поинтересовался аптекарь.

— Разумеется! — подтвердила Клэрибел и помахала кошельком.

— Приходите завтра к двум, — сказал доктор Доус. Доктор до самого утра занимался своим аптекарским колдовством, и, когда к назначенному сроку явилась Клэрибел Садс, Доус выдал ей коробочку с чем-то похожим на монпансье.

— Сейчас времена прогресса, — торжественно заявил аптекарь, — и дядюшка Доус идёт в ногу со временем! Всякое старичье из колдовского племени заставило бы пациента глотать горькие пилюли, а я специально для вас сделал волшебные леденцы. Запоминайте: если съесть сиреневый леденец, будете грациозно танцевать, будто с детства учились в балетной школе, если съесть розовый, запоёте так славно, что заслушаются соловьи, съедите шоколадный — сможете виртуозно играть на рояле, белый леденец — для лучшего в мире чтения стихов, ну а жёлтый — для акробатических номеров.

— Мило! — воскликнула покоренная Клэрибел. — Вы просто потрясающий! — И протянула руку за коробочкой.

— Гм, а деньги? — остановил её аптекарь.

— Ах, как же я забыла! — опомнилась дама и подписала чек на очень приличную сумму. А потом озабоченно переспросила: — Вы уверены, что они подействуют? Мне, наверно, требуется очень сильное средство!

— Я опасаясь, не слишком ли они сильнодействующие, — ответил доктор Доус. — По правде говоря, я делаю такое впервые в жизни.

— Мне чем сильнее, тем лучше, так что волноваться нечего, — успокоила его Клэрибел и ушла.

По дороге она заглянула в галантерейную лавку и так увлеклась всякими лентами, что умудрилась забыть коробочку на прилавке.

Маленькая Бесси Бостуик тоже забежала в галантерейную лавку за лентой для волос и бросила свои ранее сделанные покупки на прилавок. А уходя, она, разумеется, прихватила вместе с остальными свёртками и маленькую коробочку. Девочка пришла домой, начала разбирать покупки и только тогда заметила лишний свёрток.

— Надо же, конфеты! — обрадовалась она.

Бесси было всего двенадцать. Она не побежала искать потерявшегося владельца. Девочка быстро успокоила себя — ведь конфет было так мало! Она высыпала их на блюдце, поставила на стол, а одну съела. Бесси обожала шоколад, поэтому леденец выбрала шоколадный.

Она достала новую ленточку и принялась прикладывать её к волосам, как вдруг почувствовала неодолимое желание сыграть на рояле. Бесси вы-

шла в гостиную и открыла крышку инструмента. Вообще-то девочка любила музыку, но до сегодняшнего дня ей с невероятными муками удалось выучить только две пьесы. Обычно во время игры правая рука её почему-то все время дёргалась, а левая не могла за ней угнаться. В результате исполнение получалось не слишком-то благозвучным. Но шоколадный леденец сделал своё дело. Пальцы так легко побежали по клавишам, что девочка изумилась от собственных талантов. Это было только начало. Не переводя дыхания, она заиграла Седьмую сонату Бетховена. Услышав необычный для дома концерт, из своей комнаты вышла мама. За роялем она обнаружила не гостя-музыканта, а собственное чадо. Сердце мамы затрепетало, и она даже присела на диван. А Бесси не могла остановиться. Она с радостью обнаружила, что ей достаточно просто сидеть за фортепиано, а пальцы всё сделают сами. Наступил вечер. Пришёл с работы папа. Он повесил зонтик и шляпу в прихожей и заглянул в гостиную.

— Боже ты мой! — воскликнул он, услышав божественные звуки и увидев за инструментом ненаглядную Бесси.

— Не прерывай её, Джон, — прошептала мама. — Что произошло с нашей девочкой? Ты когда-нибудь слышал подобное?

— У нас вырос вундеркинд, — заявил папа. — Ну, держитесь, пианисты! Какие звуки!

Надо сказать, что в этот день они пригласили на ужин сенатора и профессора Йельского университета, необыкновенно учёного человека. И вот пришли гости, а Бесси продолжала играть. Четверо слушателей стояли, затаив дыхание, ожидая при этом, когда звук гонга пригласит всех к столу. Голодный мистер Бостуик машинально взял с блюдечка розовый леденец и положил его в рот. Профессор, тоже ощущая голод, взглянул на хозяина дома, и тот пододвинул блюдец к нему поближе. Учёный съел жёлтую конфету, а сенатор взял было сиреневую, но подумал, что может испортить себе аппетит, и сунул леденец в карман. Миссис Бостуик, внимая чудесным звукам, рассеянно положила в рот последнюю, белую, конфету.

Блюдец опустело. Так Клэрибел Садс навсегда лишилась своих леденцов!

Внезапно мистер Ботсвик запел. Его большое плотное тело исторгло из себя высокие звуки колоратурного сопрано. Пел он, правда, совсем не то, что

играла дочь, поэтому концерт получился ужасным. Профессор улыбнулся. Сенатор закрыл уши руками, а миссис Бостуик попыталась это прекратить. Но муж не обратил никакого внимания на жену и гостей. Тут-то и прозвучал гонг. Миссис Бостуик вытащила дочь из-за рояля и пригласила всех к столу. Дочь продолжала шевелить в воздухе пальцами. Мистер Бостуик направился в столовую, исполняя «Последнюю розу лета», как будто толпа восхищенных слушателей только что прокричала «Бис!». Его супруга была в отчаянии, не представляя, как унять мужа. Профессор помрачнел. На лице сенатора застыло оскорблённое выражение. Наконец все уселись за стол под новую арию мистера Бостуика, и горничная внесла суп. Не успела она поставить тарелку перед профессором, как тот возбуждённо закричал:

— Поднимите-ка её! Выше, выше!

А потом в акробатическом прыжке так ловко наподдал тарелке, что та взлетела к потолку, вылив все содержимое на Бесси с горничной, а затем опустилась на лысину профессора и разбилась вдребезги.

Сенатор вскрикнул от ужаса и посмотрел на хозяйку. Миссис Бостуик смотрела прямо перед собой, но, перехватив взгляд сенатора, грациозно наклонила голову и стала декламировать поэму лорда Альфреда Тен-

нисона «Атака легкой кавалерии». Сенатор вздрогнул. Такого с ним ещё не случалось, и он понял, что его репутация под угрозой. Среди сумасшедших одному нормальному приходится непросто. Горничная в истерике бросилась на кухню. Мистер Бостуик пел «О, обещай мне». Профессор примеривался ногой к шарам люстры. Миссис Бостуик уже рассталась с Теннисоном и вещала о парнишке на пылающей палубе. Бесси прокралась в гостиную и исторгала из рояля увертюру к «Летучему голландцу». Сенатор, опасаясь и за своё душевное здоровье, схватил в прихожей шляпу и пальто и выскочил из дома.

Он засиделся до позднего часа, работая над речью, которую ему предстояло произнести завтра. Но недавнее приключение не шло у него из головы, и речь писалась с трудом.

На следующий день, встретив на улице мистера Бостуика, он демонстративно не поздоровался с ним: сенатор не мог позволить себе поддерживать подобное знакомство. Мистер Бостуик вознегодовал, однако смутные воспоминания о вчерашнем необычайном происшествии за ужином почему-то не позволяли ему слишком уж возмущаться.

В Бостоне сенатора хорошо знали. Он славился своим красноречием, и его речь ждали с нетерпением.

Свободных мест в зале не осталось. Семья Бостуик сидела в одном из первых рядов вместе с профессором Йельского университета. Все выглядели усталыми, будто после весьма утомительных занятий. Увидев вчерашних сотрапезников, сенатор занервничал и больше в их сторону не смотрел. Он вертелся в кресле, засовывал руки в карманы и в одном из них обнаружил леденец.

«Это в самый раз для горла перед выступлением», — подумал сенатор и съел конфетку. Через несколько минут он уже стоял перед приветствующей его многочисленной аудиторией.

— Друзья, — начал оратор торжественно, — наступает ответственный момент, и от нас зависит...

При этих словах он по-балетному отставил в сторону левую ногу. Зрители зашептались, но сенатор уже ничего не замечал. Он вставал на пуанты, кружился, исполнял антраша то влево, то вправо. Проделывал всё это сенатор очень грациозно, а временами вдобавок томно посматривал на лысого зрителя в первом ряду.

И тут раздался вопль. Кричала Клэрибел Садс, показывая пальцем на танцовщика:

— Он украл мои леденцы! Арестуйте его, не дайте ему убежать!

Однако служители вытолкали из зала именно Клэрибел, посчитав её вопли свидетельством внезапного помешательства. Друзья же сенатора выволокли его со сцены и отправили домой в открытой карете (чтобы его немного обдуло ветерком).

Таблетка оказалась сильнодействующей. Сенатор протанцевал всю дорогу, стоя на заднем сиденье экипажа. Бежавшие следом мальчишки ликовали, а добропорядочные граждане покачивали головами: вот, мол, ещё один хороший человек сбился с пути.

Сенатор выздоравливал долго. К тому же он многое помнил и ему было стыдно. Понять что-либо он даже не пытался.

По счастью, все конфеты съели, не то бед могло случиться гораздо больше. А Клэрибел опять отправилась к аптекарю. Она готова была расстаться ещё с некоторой суммой, лишь бы заполучить другую коробку волшебных конфет. Правда, теперь она уже не была столь легкомысленна, а поэтому стала знаменитой актрисой и блистала во многих водевилях.

Не осуждайте других за непонятные вам поступки. Бог знает, что может случиться с нами самими! Ну и, разумеется, не оставляйте где попало свои вещи и не хватайте чужие!

Дедушка - Время

Джим жил в Аризоне среди прерий и ковбоев. Он и сам был сыном настоящего ковбоя. Отец научил его мастерски заарканивать диких лошадей и молодых бычков. Правда, силёнок у него было пока маловато, не то быть бы ему из лучших. Когда ему стукнуло двенадцать, он отправился на восток к дяде Чарли. Сам собой, Джим прихватил лассо, чтобы показать двоюродным братьям и сестрам, на что способны ковбои. В городе Джим ловко арканил столбы и колья заборов. Городским мальчишкам и девчонкам поначалу было жутко интересно, но вскоре всем это надоело.

Однажды мясник попросил Джима перегнать лошадь на пастбище. Парня не пришлось долго уговаривать. Он мечтал о поездке верхом, ведь она напо-

минала о старых добрых временах. К тому же можно было взять с собой лассо.

Радостный Джим шагом проехал по городским улицам, а за городом пустил лошадь в карьер. Это было по-ковбойски! Он перепрыгнул через тянувшийся вдоль дороги плетень и поскакал по полю, с криками и воплями арканя воображаемый скот.

Внезапно, когда он в очередной раз бросил лассо, верёвка натянулась и Джим чуть не вывалился из седла. Удивительно! Поле выглядело абсолютно гладким, без единого пенька. Глаза Джима вылезли из орбит, и тут раздался чей-то голос:

— Эй, отпусти! Отпусти сейчас же! Не видишь, что ли?

Джим не видел, но и отпускать никого не собирался. Он хотел хотя бы узнать, кого заарканил, и вспомнил, чему учил его отец. Это был известный приём: надо скакать по кругу, постепенно приближаясь к центру. Только сейчас уловка не помогла — верёвка оказалась обёрнутой вокруг пустоты. Озадаченный Джим слез с лошади и вдруг увидел старика, обмотанного лассо. Тот был лыс, с бородой до пояса, в длинном белом балахоне. В одной руке он держал косу, а под мышкой — песочные часы. Джим уставился на него, а дед сердито приказал:

— А ну быстро стащи с меня эту верёвку. Что уставился? Из-за твоей дурусти сейчас остановилось всё на свете. Ты еще не понял, кто я?

— Не-а, — тупо сказал Джим.

— Время я. Дедушка-Время. Давай же, сматывай верёвку, если не хочешь, чтобы началось Бог знает что.

— Как же я тебя поймал? — спросил мальчишка, даже не пытаясь двинуться с места.

— Откуда мне знать! Такое со мной впервые. Наверно, все из-за твоего дурацкого лассо.

— Я тебя не видел, — оправдывался парень.

— Нехватало ещё, чтобы видел! Я вообще-то невидимый. Разве что кто-нибудь ближе чем на три фута подберётся. Да уж я слежу, чтоб не подбирался. Я и через поле-то пошёл потому, что людей здесь не встретишь, так тебя принесло с этим дурацким лассо! — ворчал старик. — Чего стоишь? Собираешься верёвку-то снимать?

— А зачем спешить? — сделал непонимающие глаза Джим.

— Ещё раз объясняю: когда ты меня поймал, в мире всё остановилось! Всему пришёл конец: делу и отдыху, войне и любви, счастью и несчастью. И все часы встали. Давай поторапливайся! Я ведь спеленут, как мумия.

Джим ухмыльнулся. Старик был обёрнут верёвкой от колен до подбородка.

— Ты, дедушка, отдохни немного, — сказал мальчишка. — Жизнь-то у тебя тяжелая.

— И не говори. — Старик вздохнул. — Я шёл аж на Камчатку. А ты, малец, поломал мне весь график.

— Беда, — снова ухмыльнулся Джим. — Но ведь мир всё равно остановился? Пусть ещё чуток постоит. Потом я тебя отпущу, и Время полетит себе дальше. Кстати, а где твои крылья?

— Какие крылья! — возмутился дед. — Кто эту ахи-нею только выдумывает! Нету у меня крыльев, и передвигаюсь я довольно медленно.

— А коса зачем? — не унимался любопытный Джим.

— Известное дело — людей косить, — вздохнул Дедушка-Время. — Махну разок, кто-нибудь и умирает.

— Тогда мне положена медаль за спасение жизни, — пошутил мальчишка. — Ведь кто-то прожил на свете подольше.

— Да, но они об этом и не догадаются, — грустно улыбнулся Дедушка-Время. — Так что для них нет никакой разницы. Развяжешь меня?

— Нет, — отрезал Джим. — Когда ещё я тебя поймаю? Может, мне интересно, как мир без тебя обойдётся.

Взгромоздил Джим спеленатого старика на лошадиную спину и отправился обратно в город. Прямо на дороге увидел он странную картину. Запряжённая в повозку лошадь замерла на бегу: голова поднята, ноги повисли, а пассажиры застыли, как каменные изваяния. Старик вздохнул:

— Разве не видишь, что Время для них остановилось? Ты всё ещё не хочешь меня отпустить?

— Нет ещё, — ответил мальчик.

Так они въехали в город. Все его жители застыли в неподвижности в тот момент, когда Джим поймал Время. Он слез с лошади и зашёл в большой универмаг. Замершие продавцы отпускали товары замершим покупателям. Неприятное это было зрелище, холодок пробежал у Джима по спине, и он выскочил наружу.

На тротуаре недвижно сидел несчастный калека-нищий со шляпой. Рядом с ним остановился холёный господин, собиравшийся бросить в шляпу цент. Господин был богат и скуп, и Джим это знал. Поэтому мальчик, не долго думая, достал у богача из кармана кошелёк. Там лежала золотая монета в двадцать долларов. Ее-то он и вложил в пальцы господина вместо цента, а кошелёк засунул обратно.

«Пусть удивится своей щедрости, когда оживёт», — подумал Джим.

Он сел на лошадь и поехал дальше. У его знакомого мясника на прилавке лежало мясо.

— Протухнет небось, — заметил он.

— Чтобы мясо протухло, тоже нужно Время, — откликнулся старик.

«Странно, но так оно и есть», — подумал Джим.

— И ведь правда! — сказал он. — Похоже, ты всюду суёшь свой нос!

— Сую нос... Да я, если хочешь знать, самое важное, что есть на земле, — проворчал пленник, — а у тебя не хватает ума отпустить меня.

Джим промолчал. Вскоре показался дом дядюшки Чарли, и Джим снова спешился. Двоюродные братья только-только вышли за ворота, собираясь в школу, и замерли с книжками и грифельными досками под мышкой. Чтобы не сбить их с ног, юный ковбой перепрыгнул через забор и вошёл в дом. В гостиной сидела тетушка, не успевшая перевернуть страницу Библии. В столовой дядюшка заканчивал свой завтрак. Он открыл рот и поднёс к нему ложку, уставившись в утреннюю газету. Тут-то Джим вволю угостился пирогом!

— Я одного не понимаю, — задумчиво сказал он, вернувшись к пленнику.

— Чего? — буркнул старик.

— Почему все кругом словно замороженные, а я могу ходить, где хочу?

— Ты взял меня в плен и можешь делать со Временем всё, что тебе вздумается. Хотя как бы тебе потом об этом не пожалеть, — ответил старик.

Джим бросил крошки пирога повисшим в воздухе птицам.

— Может, и пожалею, зато проживу дольше всех!

— Нет, срок каждой жизни отмерен, — покачал головой старик. — Придёт твоё время, и будет для моей косы работа.

— Забыл я про твою косу, — задумчиво проговорил Джим.

Но в следующую минуту в Джима вселился дух озорства. Ему пришло в голову, что другой такой возможности повеселиться можно и не дожидаться. Он привязал Дедушку-Время к столбу, чтоб тот не убежал, а сам отправился в лавку на углу. Сегодня утром лавочник обругал Джима, случайно наступившего на корзину со свёклой. Вспомнив об этом, Джим подошёл к бочонку с патокой, который стоял в углу, и вынул затычку.

— Когда Время снова пойдёт, патока потечёт на пол... — Он мстительно захихикал.

Чуть дальше по улице была парикмахерская. В кресле сидел мужчина, которого ненавидели все го-

родские мальчишки. И он их терпеть не мог. Мастер как раз намыливал ему голову, когда Время остановилось. Джим не поленился, сбегал в аптеку за бутылкой с клеем. Вернувшись, он от души полил им волосы их врага.

«Пожалуй, он удивится», — подумал Джим.

После парикмахерской Джим отправился в школу. В классе еще не все собрались, но учитель уже сидел на своём месте и был, по обыкновению, хмур. Взяв мел, шутник написал крупными буквами на доске:

Каждый ученик обязан при входе в класс громко заорать и швырнуть учебники в учителя.

Профессор Шарп

— Кажется, будет не скучно, — произнёс пакостник, выходя из школы.

А на перекрёстке высился полицейский Маллиган. Он беседовал со старухой Скрэппл, самой злокозненной сплетницей во всём городе. Говорить гадости о соседях ей отчего-то доставляло необыкновенное удовольствие. Случай упускать было нельзя. Джим снял с полицейского фуражку и куртку и обрядил в них старуху, а её шляпу с перьями и лентами нахлобучил на голову Маллигана. Получилось так забавно,

что он расхохотался. К тому же вокруг застыло довольно много народу, и парень подумал, что эта пара произведёт сенсацию.

После всех трудов юный ковбой вспомнил о своём пленнике. Дедушка-Время терпеливо ждал, обмотанный верёвкой. Выглядел он сердито и озабоченно.

— Когда же ты освободишь меня? — спросил старик.

— Да хоть сейчас, но беспокоит меня твоя коса, — ответил Джим.

— А что коса? — не понял Дедушка-Время.

— Вот освобожу я тебя, а ты меня сразу и скосишь.

Дедушка строго посмотрел на мальчишку, но всё-таки утешил:

— Мальчишки — существа пакостные и легкомысленные с начала времён. Но я их люблю, потому что они становятся мужчинами и потом живут в моём мире. Мужчину мне ничего не стоило бы напугать, и он бы меня сразу отпустил. С мальчишками труднее. Я сам был таким, когда мир только родился. Но ты уже хорошо повеселился, пора тебе выказать уважение к старости. Обещаю всё забыть. Ничего такого плохого не произошло, ведь никто не узнает, что Время на три часа останавливалось.

— Ладно, развязываю, — сказал Джим, хотя до конца не был уверен в том, что остановки времени никто

не заметит. Он размотал верёвку, старик взвалил на плечо косу, отряхнул балахон и исчез. А через мгновение мир с грохотом и тряской продолжил своё движение.

Джим свернул лассо, влез на лошадь мясника и поехал по улице. На перекрёстке было шумно. Толпа зевак с удовольствием наблюдала за тем, как старуха Скрэппл в полицейской форме машет кулаками перед носом Маллигана. Сам же полицейский под крики одобрения яростно топтал дамскую шляпку.

Проезжая мимо школы, он услышал мощный дружный рёв и понял, что профессору Шарпу приходится тяжело.

Через окно парикмахерской было видно, как враг всех мальчишек колотит парикмахера расческой. Его волосы торчали во все стороны, как штыки.

Лавочник же с криком «Помогите!» бежал по улице, оставляя паточные следы.

Джим был счастлив. Он с удовольствием наблюдал за делом своих рук. И вдруг кто-то схватил его за ногу и стащил с лошади.

— Ты чего здесь околачиваешься, паршивец? — заорал мясник (а это был именно он). — Кто обещал свести скотину на Плимптоновское пастбище? Ещё утром духу твоего не должно было здесь быть! А он

болтается по городу на бедной кляче, будто какой фон-барон!

— Ой! — хлопнул себя по лбу Джим. — Ну начисто вылетело из головы!

Так-то вот. Не последняя штука Время. Грех его тянуть, а то вообще остановится, как у Джима, и неприятностей не оберёшься.

Удивительный насос

Не так давно на одной ферме в Новой Англии жили муж с женой. Земля им досталась плохая, каменистая, но люди они были честные, непьющие и трудились, чтобы прокормиться, с утра до ночи. Их маленький домик стоял на склоне холма. Камни так густо покрывали землю, что трава с трудом находила себе дорогу. В четверти мили от дома у подножия холма бил небольшой источник, к которому женщина ходила за водой по извилистой тропе. Наверх с ведрами идти было трудно, да и другой тяжёлой работы на долю жены фермера выпадало немало. Она ссушилась, исхудала и постарела. Но не жаловалась и терпеливо работала по дому, носила воду и помогала мужу собирать скудный урожай.

Однажды женщина шла по тропинке к роднику, поддевая башмаком камешки. Вдруг она заметила лежащего на спинке большого жука, который шевелил лапками, пытаясь перевернуться. У женщины было доброе сердце, она нагнулась и помогла страдальцу. Жук тут же уполз, а женщина пошла дальше. На другой день, спускаясь за водой, она снова увидела на тропинке жука, пытавшегося перевернуться. Надо же! Но ей ничего не стоило опять помочь насекомому. Женщина уже разгибалась, чтобы продолжить путь, как вдруг услышала тоненький голосок:

— Огромное тебе спасибо! Ты спасла мне жизнь!

Женщина испугалась, услышав от жука человеческую речь, и, отпрянув, воскликнула:

— Господи, говорящий жук!

Потом оправилась от испуга и снова наклонилась над жуком. А тот возьми да и ответь:

— Почему бы мне не говорить, если есть что сказать?

— Как это — почему? Ты ведь жук! — опешила женщина.

— Ну и что? Ты целых два раза спасла меня от моих заклятых врагов воробьев. Так что я твой должник. Нам, жукам, жизнь так же дорога, как

и человеческим существам. К тому же я — не простой жук. Впрочем, тебе этого не понять. А скажи, зачем ты каждый день ходишь этой тропинкой?

— Хожу к роднику за водой, — ответила женщина, не понимая, как это она беседует с насекомым.

— Тяжело? — поинтересовался жук.

— Ещё как, но на холме-то воды нет. — Она горько вздохнула.

— Так выройте колодец и поставьте насос.

— Муж пробовал, но воды не нашёл, — объяснила женщина.

— Пусть ещё разок попытается, — распорядился жук, — а если воды опять не окажется, вы всё равно найдёте в колодце кое-что ценное. Давайте-давайте, ройте. А мне пора.

И он исчез среди камней.

Женщина вернулась домой озадаченная. Когда пришёл муж, она все ему рассказала. Бедняк задумался, а потом решил:

— Жена, этот жучиный совет неспроста. Если он разговаривает, значит, есть волшебство на свете и в колодце будет вода. Старый насос ещё валяется в амбаре, остаётся только выкопать яму. Что ж, мне не привыкать!

На следующий же день он принялся копать и выкопал такую глубокую ямищу, что едва из неё выбрался. Но воды там не оказалось ни капли.

— Может, глубже надо? — предположила жена.

На другой день муж взял длинную лестницу, спустил её в яму и копал, пока конец лестницы не перестал доставать до края. Вода не появлялась.

На третий день женщина отправилась за водой. Жук ждал её на камне у края тропинки. Она остановилась и сказала:

— Господин жук, яму муж выкопал, а воды нет как нет.

— А насос он поставил? — поинтересовался жук.

— Насос-то зачем? — не поняла фермерша.

— Сделайте, как я сказал. Поставьте насос. Даже если не окажется воды, что-нибудь хорошее обязательно будет, обещаю, — заверил её жук, соскользнул с камня и исчез.

Женщина вернулась домой и всё рассказала мужу. Бедняк задумался.

— Насос, говорит, поставить? Можно и поставить.

Он достал из амбара насос и установил его в колодце. Потом взялся за рукоятку и начал качать, а жена стояла рядом и смотрела. Вода не появлялась, но через несколько минут из трубы насоса на землю упала

золотая монета, а потом ещё одна и ещё... Они всё падали, и на земле стала расти кучка золота. Муж перестал качать и кинулся помогать жене собирать монеты в передник. Руки их дрожали от радости. Наконец всё было собрано. Женщина прижала передник к груди, и они прибежали домой. Там они высыпали золото на стол и принялись пересчитывать монеты. Все они оказались по пять долларов, и на всех стояло клеймо монетного двора Соединенных Штатов Америки. Одни были старые, истертые, другие — будто вчера отчеканенные. Когда счёт закончился, стало ясно, что они накачали из колодца триста долларов.

— Слушай, — вдруг сказала жена, — жук-то не обманул, когда говорил, что мы всё равно найдём что-то в колодце. И сбегай-ка обратно, заberi рукоятку от насоса, а то ещё какой-нибудь прохожий раскроет наш секрет!

Мужчина так и сделал, а рукоятку спрятал под кровать.

Ночью они не могли заснуть, строя разные планы. За всю жизнь больше нескольких долларов зараз они и не видели, а теперь золотыми монетами был почти до верха заполнен большой кувшин.

Наступило воскресное утро. Супруги с утра пораньше побежали проверять, цел ли кувшин. Тот

стоял на месте, но бедные люди долго не могли оторвать от него глаз. Наконец муж развёл огонь, и жена приготовила завтрак. А за столом женщина попросила:

— Пойдём сегодня в церковь и поблагодарим Господа за наше богатство. Я хочу отдать одну монету нашему пастору.

— Понимаешь, — возразил муж, — это дело хорошее — пойти в церковь. Да вот только ночью я обдумывал, на что потратить наши деньги, и на пастора у меня ничего не осталось.

— Но ведь можно ещё денег накачать, — возразила жена.

— Кто его знает, — озабоченно протянул муж. — У нас есть то, что есть, а остальное ещё добыть надо.

— Давай проверим? — предложила женщина. — А то с пастором как-то нехорошо получается. Он тоже человек бедный и честный.

Достал муж рукоятку насоса, и они пошли. Приладили ручку, поставили под кран большое деревянное ведро и стали качать. К их радости, золото полилось опять, так что скоро им пришлось принести и другое ведро.

— Ну хватит, женушка, — отдувался муж. — Сегодня мы опять здорово разбогатели. Достанутся пасто-

ру его деньги. Я и в ящик для пожертвований опущу монету.

Поскольку кувшин был переполнен, фермер ссыпал золото в деревянный ящик и укрыл его ветками и опавшей листвой. Потом супруги надели воскресное платье и отправились в церковь, захватив по золотому для пастора. Радостные, они спустились с холма и пошли долиной, им было так легко на сердце, что они не заметили долгого пути. Вот и сельская церквушка, и служба только начинается. Муж с женой едва смогли дождаться, когда по залу пройдёт служба с ящиком для пожертвований. Но вот момент настал. Гордый своим подношением, фермер высоко поднял руку — чтобы все видели! — и опустил в ящик золотой. Фермерша поступила точно так же, ощущая себя важной персоной. Она, как и муж, была счастлива.

Пастор не верил своим глазам. И когда все стали расходиться, он остановил фермера с женой и поинтересовался:

— Откуда у вас такие деньги?

Женщина без утайки рассказала пастору про жука и волшебный насос. Священник слушал очень серьезно, а потом вздохнул:

— Говорят, много веков тому назад происходили у нас странные вещи. Но я вижу, кое-что случает-

ся и сейчас. — Он внимательно осмотрел монеты. — В общем, либо это ведьмино золото, либо настоящее. С ведьминым все просто: оно через двадцать четыре часа исчезнет и ничего хорошего от него не дождёшься. Но если монеты настоящие, не иначе ваш жук кого-то ограбил. Потому что деньги всегда кому-то принадлежат. Раз у вас они появились и вы их не заработали, значит, у законных владельцев их не стало. Иначе откуда бы золоту взяться?

Фермер с женой были честными людьми и от таких слов смутились.

— Вы действительно думаете, что деньги краденые? — опечалилась женщина.

— Ну, может, жук достал их при помощи колдовства. Даже у говорящего насекомого нет совести, и он не понимает, что хорошо, что плохо. Он хотел наградить вас и отобрал деньги у их хозяев.

— А вдруг и впрямь это ведьмино золото? — испугался фермер. — Надо бы поскорее идти в город и потратить его.

— Нехорошо это, — осудил фермера пастор. — Ведь тогда у торговцев не окажется ни товара, ни денег.

— Что же делать? — почти заплакала бедная женщина.

— Идите домой и ждите до завтра. Если деньги ведьмины, они исчезнут, а если настоящие — их следует

вернуть законным владельцам. И пожертвованные монеты заберите, я не могу принять деньги, которые не заработаны честным трудом.

Бедняки печально вернулись домой. Опять они провели бессонную ночь, а едва наступило утро — побежали смотреть на золото.

— Настоящее! — вскричал мужчина. — Ни одна монетка не исчезла!

Когда женщина направилась к роднику, она смотрела во все стороны, выискивая жука. Он сидел на плоском камне и будто дожидался её.

— Теперь вы счастливы? — спросил жук, когда женщина остановилась перед ним.

— Мы очень несчастны, — проговорила она. — Ведь наш добрый пастор говорит, что деньги, которые ты нам дал, краденые.

— Может быть, ваш пастор и хороший человек, но глупый! — вознегодовал жук. — Но если вам не надо золота, я могу его забрать.

— Надо, очень надо! — поспешно вскричала женщина. — Но только честное.

— Успокойтесь, — надулся жук, — его никто не крал. Оно ваше по праву. Вы спасли мне жизнь, и я решил вас отблагодарить. Знайте, я, такой маленький и невзрачный, на самом деле — король всех насекомых!

Мои подданные подчиняются любому моему знаку. Мы ползаем по земле и часто находим то, что люди потеряли. Мои подданные находят монеты, упавшие в траву и завалившиеся во всякие трещины и щели, и докладывают мне. Но я всегда оставляю их там лежать, потому что насекомым от денег нет никакой пользы. Но когда я пообещал вас вознаградить, я разослал тысячи своих слуг во всех направлениях. И они принесли золотые монеты к этому холму и сложили его в новый колодец. Это была тяжёлая работа. Так что пользуйтесь золотом с чистой совестью, вы никому не причините зла.

Женщина прибежала к мужу. Они страшно обрадовались и решили пойти в город, чтобы теперь-то закупить еды, одежды и много чего другого. Они так долго нуждались! От счастья супруги и не скрывали, что у них завелись деньги. Пусть все об этом узнают! А узнали об этом, как водится, прежде всего дурные люди.

— У них с собой полно денег, — шепнул один из них другому. — Небось и дома припрятано немало!

— Верно рассуждаешь, — ответил другой. — Поспешим-ка к ним домой, пока они тут прогуливаются!

Грабители добежали до домика на холме, взломали дверь, все вверх дном перевернули и, конечно, наш-

ли и кувшин, и деревянный ящик с золотом. Они быстро увязали деньги в тюки, взвалили на спину и, уходя, даже не потрудились привести дом в порядок.

Вскоре женщина с мужем с трудом поднялись на свой холм, навьюченные покупками. А за ними следовала целая процессия: нанятые донести свёртки мальчишки, деревенские ротозеи, учуявшие чужое богатство, а последним шёл лавочник Гаггинс с шёлковым платьем в руках. За платье, правда, надо было ещё заплатить, потому что все взятые с собой деньги супруги уже потратили.

Скромный фермер вышагивал в лихо заломленной шляпе со здоровенной сигарой в зубах. От курева ему было плоховато. Фермерша разоделась, как павлин, наслаждаясь, что с ней раскланиваются те, кто раньше её не замечал.

Но тут перед всеми предстало их жилище: дверь нараспашку, мебель и вещи разбросаны, а от их сокровища не осталось ни одной монетки. Все шедшие за хозяевами дома заухмылялись, а лавочник Гаггинс потребовал деньги за шёлковое платье. Тогда женщина шепнула мужу, что ему надо срочно бежать и накачать денег. Но тот вернулся с побелевшим лицом. Из трубы не упало больше ни одной монетки. Злорадствующая

процессия повернула обратно в деревню. Нечего воображать себя богачами! А некоторые особо противные мальчишки забросали дом камнями. Гаггинс обругал женщину за обман и понёс платье назад.

Супруги остались одни, униженные и опечаленные. Потом женщина вытерла глаза и пошла за водой. Она приблизилась к плоскому камню и увидела восседающего на нём короля-жука.

— Колодец пуст! — сердито закричала она.

— Разумеется, — спокойно ответил жук. — Вы забрали всё золото, которое смог найти мой народ.

— Но у нас ничего не осталось! — заплакала женщина и села на тропинку. — Всё украли воры.

— Жаль, но это ваша вина, — сказал жук. — Не надо было хвастать. Никто бы и не узнал о вашем богатстве, будь вы чуть поскромнее. Вообще-то вы потеряли золото, уже потерянное до вас другими. Может быть, его ещё не раз потеряют.

— Но что же нам теперь делать? — спросила женщина.

— А чем вы занимались раньше?

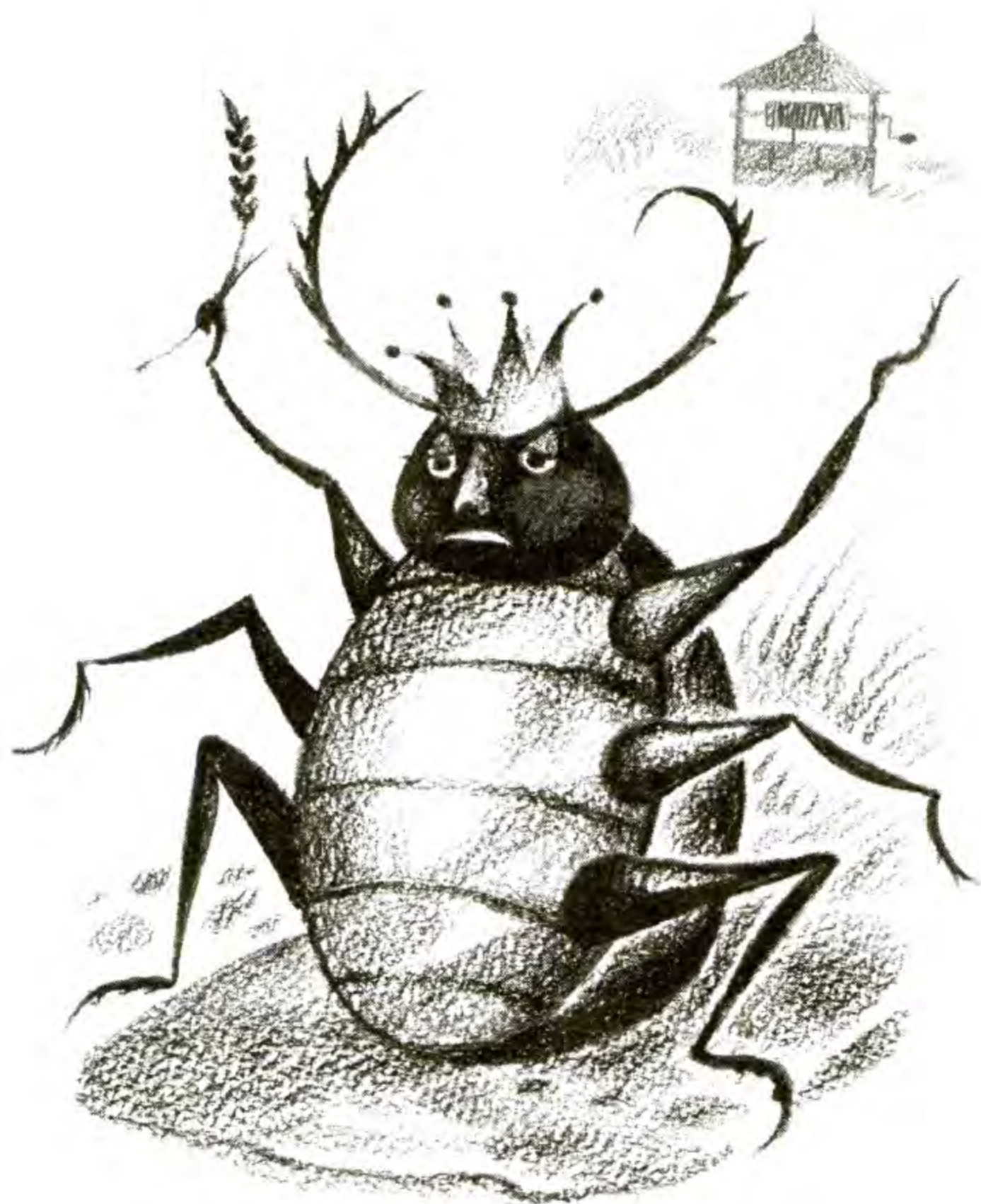
— Работали с утра до ночи, — печально вздохнула жена фермера.

— Что ж, работать вам и дальше, — заключил жук. — Работу у вас никто не отберёт, будьте уверены!

И, соскользнув с камня, он исчез навсегда.

Хорошо, когда к деньгам прилагаются скромность и умеренность! Не выстави фермер и его жена напоказ своё богатство, оно и сейчас оставалось бы с ними.

Оживший манекен

Желтый эльф Танко-Манки был самым зловредным существом в Волшебной стране. Однажды, невидимый добрым людям, он летел над городом и в витрине универмага мистера Фломана увидел восковой манекен. Это была изысканно одетая дама, на левой руке которой висела табличка:

Редкая удача! Прямо из Парижа! Распродажа!

Вместо 20\$ этот великолепный костюм вы можете приобрести всего за 19.98\$!

У витрины толпились женщины и критически рассматривали манекен.

Танко-Манки негромко и ехидно рассмеялся. Затем он подлетел поближе к восковой фигуре и дважды дунул ей на лоб. И кукла ожила, хотя сама и не поняла этого. Она продолжала стоять в витрине с табличкой в руке, бессмысленно уставившись на женщин за окном. Эльф снова засмеялся и улетел. Другой бы, конечно, остался и помог беспомощному созданию в новой жизни, но только не Танко-Манки. Ему казалось забавным выпустить неопытную девушку в холодный, бессердечный мир и посмотреть, каково ей там придётся.

К счастью, был конец рабочего дня. Пришёл человек и закрыл шторами все витрины. Разошлись продавцы, кассирши и администраторы. Ненадолго задержались только уборщики, готовящие магазин к завтрашнему дню. А кукла только к вечеру обнаружила, что ожила, и смогла собраться со своими новыми мыслями. Витрина, в которой стоял манекен, была крохотной комнаткой с узкой дверцей, куда проникал один только декоратор витрин. Поэтому уборщики не заметили, как кукла выронила табличку, присела на ворох шёлковых тканей и задумалась, кто же она теперь, где находится и как случилось, что она вдруг стала живой. Согласитесь, несмотря на высокий рост, розовые щёки, пышные волосы и доро-

гой костюм, эта дама была совсем юна — не старше новорожденного младенца. Мир для неё ограничивался кусочком улицы перед витринным стеклом, а из людей она видела только женщин, обсуждавших покрой её костюма.

Размышлять ей оказалось почти не о чем, а мысли в восковой голове двигались медленно. А желание возникло всего одно — больше ни минуты не оставаться в витрине. Восковой кукле почему-то не нравилось, что её нахально разглядывают женщины, чьи внешность и одежда не шли ни в какое сравнение с её красотой и парижским костюмом.

К этому выводу она пришла уже далеко за полночь. В огромном безлюдном магазине горел тусклый свет. Кукла выбралась из витрины через маленькую дверцу и пошла по длинным коридорам. Она рассматривала пышные наряды, окружавшие её со всех сторон, подошла к стенду с разукрашенными шляпками и вспомнила, что видела подобные вещицы на женских головах. Тогда она взяла шляпку и аккуратно пристроила на свои золотистые волосы. Какой инстинкт заставил её посмотреться в зеркало и убедиться, что шляпка сидит прямо? Шляпка не очень подходила к костюму, но бедняжка была слишком юна, чтобы обзавестись собственным вкусом. По-

том девушка дошла до отдела перчаток и вспомнила, что и женщины на улице их тоже носили. Она достала из коробки пару перчаток и попробовала натянуть на свои негнущиеся восковые пальцы. Перчатки лопнули по швам, а потом и множество других пар. Прошло много времени, прежде чем ей подошли лайковые перчатки горохового цвета. Ещё она взяла зонтик от солнца, не совсем представляя, зачем он ей нужен. Но ведь другие дамы тоже держали его в руках!

Она ещё раз критически осмотрела себя в зеркале и решила, что теперь всё в полном порядке. Её неопытные глаза не заметили, как она непохожа на остальных женщин на улице.

Восковая кукла попыталась выйти из магазина, но все двери оказались заперты. Однако торопиться было некуда, к тому же из манекенной жизни она унаследовала терпение. Жить и носить красивую одежду — это казалось безумно интересным. Она села на табурет и стала ждать нового дня.

Когда утром уборщик отпер входную дверь, восковая дама проскользнула мимо и пошла по улице деревянной, но полной достоинства походкой. Бедняга был так потрясен видом отлично знакомого ему манекена, промаршировавшего из магазина, что по-

валился мешком на ступени. Сознание он не потерял только потому, что больно ушиб плечо.

Тем временем кукла завернула за угол. Незрелый восковой ум звал её в живой мир и советовал подражать окружающим людям. Но ничто не подсказало ей, насколько она от них отличается. У куклы не было опыта, и она не понимала, что оказалась первым в мире ожившим манекеном и что жизнью она обязана проказе злого эльфа. Но неведение только придало ей уверенности в себе!

Стояло раннее утро. Люди торопились по своим делам. Кое-кто заходил в кафе, и кукла тоже зашла и села на табурет перед стойкой.

— Кофе и булочки! — заказала какая-то продавщица, усевшаяся рядом.

— Кофе и булочки! — повторила кукла, хотя конечно же её деревянная начинка не испытывала голода.

Продавщица поднесла чашку ко рту и отпила. Восковая кукла внимательно наблюдала, а потом сделала то же самое. В следующую секунду горячая жидкость стала просачиваться сквозь деревянные ребра, а восковые губы покрылись пузырьками от горячего кофе. Это было ужасно неприятно, она встала и вышла из кафе. А вдогонку услыхала крик официанта:

— Двадцать центов, мэм!

Она вышла из кафе и тут же наткнулась на декоратора витрин универмага Фломана. Он был близорук и, увидев знакомое лицо, вежливо приподнял шляпу. Кукла тоже приподняла шляпу, подумав, что так и надо здороваться, но мужчина почему-то испугался и убежал. А потом до её руки дотронулась незнакомая женщина и шепнула:

— Простите, мадам, на вашем платье сзади висит ценник.

— Конечно! — ответила кукла. — Я знаю. Это платье прямо из Парижа. Вначале оно стоило двадцать долларов, а теперь цену снизили до девятнадцати долларов девяносто восьми центов!

Женщина подивилась и пошла своей дорогой.

Несколько экипажей стояли у обочины, и кучер обратился к застывшей на тротуаре кукле:

— Экипаж, мадам?

— Не надо, — ответила кукла. — Я ведь сделана из воска.

— О! — только и оставалось воскликнуть кучеру. И он изумлённо посмотрел ей вслед.

— А вот и ваша утренняя газета! — завопил мальчишка-газетчик.

— Вы сказали — моя? — поинтересовалась кукла.

— Конечно! «Кроникл», «Курьер», «Рипаблик»! Не желаете?

— А зачем они, эти газеты? — поинтересовалась кукла.

— То есть как это зачем? Читать, разумеется! Чтобы узнать новости.

Кукла взглянула на газету и покачала головой:

— Она какая-то пестрая. Всё там так перепутано. К тому же я, наверно, не умею читать.

— Может, вы и в школу не ходили? — спросил мальчишка.

— Нет. А что такое школа? — поинтересовалась она.

На этот раз газетчик взглянул на неё с возмущением.

— Это ж надо! Да вы просто кукла какая-то! Манекен! — закричал он и убежал в поисках более выгодного клиента.

— Интересно, как он догадался? — задумалась бедняжка. — Неужели я так отличаюсь от людей? Я выгляжу и веду себя, как они, а ведь официант тоже называл меня манекеном. Что же во мне странного?

Эта мысль взволновала её. Но она шла дальше по улице и увидела остановившийся на остановке трамвай. Кукла, считавшая, что должна вести себя как все, вошла в него и села. Трамвай проехал несколько кварталов, и к ней обратился кондуктор:

— Платите за проезд, пожалуйста!

— А что это значит? — спросила она с невинным видом.

— Платите за проезд, — нетерпеливо повторил кондуктор.

Кукла глядела на него, пытаясь понять, что от неё хотят.

— Ну же, — повысил голос кондуктор, — или платите, или немедленно выходите!

Она по-прежнему не понимала. Тогда он схватил ее за руку, заставив подняться. И тут рука человека почувствовала жесткое дерево манекена. Кондуктор удивился. Он наклонился, заглянул пассажирке в лицо и увидел воск вместо живой плоти. Завопив от ужаса, кондуктор выпрыгнул из трамвая и побежал. И все пассажиры закричали и попрыгали из вагона. Водитель, почуяв неладное, последовал за кондуктором и пассажирами. Восковая кукла, увидев всеобщее бегство, тоже вышла и оказалась прямо перед другим трамваем, который двигался в противоположном направлении. Со всех сторон раздались крики — на этот раз люди пытались предупредить её об опасности, но она ничего не успела понять: трамвай сбил её и протащил полквартала.

Когда трамвай остановился, полицейский помог извлечь жертву из-под колёс. Её костюм порвался

и сильно запачкался, левое ухо совсем оторвалось, а левую сторону головы вдавило внутрь. Но кукла вскочила на ноги и спросила, где её шляпка. Полицейский протянул шляпку владелице и тут заметил огромную дырку в голове пострадавшей и пустоту внутри. Парень задрожал:

— Мадам, н-н-но... в-в-вы... м-м-мертвы! — еле выговаривал он.

— А что значит быть мёртвой? — заинтересовалась кукла.

Полицейский вытер пот со лба.

— Это значит быть такой, как вы, — простонал он.

Собралась толпа зевак. Все смотрели то на полицейского, то на жертву дорожного происшествия. Наконец какой-то пожилой господин сообразил:

— Так она же из воска!

— Из воска! — повторил за ним полицейский.

— Из чего же ещё! Она — просто манекен, такие в витринах стоят, — разъяснил пожилой господин. Из толпы слышались голоса:

— Кто бы мог подумать!

— Вы абсолютно правы!

— Как мы раньше не догадались!

— Вы в самом деле манекен? — строго спросил полицейский. Кукла молчала. Она начинала понимать,

что попала в беду, а глазеющая толпа напугала её. Вдруг заговорил оказавшийся рядом чистильщик сапог:

— Да что вы такое говорите! Разве манекен может говорить, ходить и вообще быть живым?

— Лучше помолчите, — пробормотал полицейский и показал ему на дырку в голове дамы.

Подошёл второй полицейский. Посоветовавшись, стражи порядка решили доставить странное создание в участок и там разобраться. Они вызвали полицейский экипаж, помогли повреждённой кукле забраться внутрь и уехали. В участке её заперли в камере и о происшествии доложили инспектору Маггу.

Инспектор Магг только что позавтракал, причём весьма скудно, и пребывал в отвратительном расположении духа. Поэтому он взревел и накинулся на несчастных полицейских:

— Вы сами манекены, если плетёте подобные небылицы! Может, пива перебрали?

Полицейские пытались вставить слово, но слушать их инспектор не стал. К тому же в участок ворвался мистер Фломан, владелец универсального магазина, и с порога потребовал:

— Инспектор, мне необходима дюжина лучших детективов!

— Это ещё зачем? — язвительно спросил Магг.

— Один из моих восковых манекенов сбежал сегодня утром, прихватив парижский костюм за девятнадцать долларов девяносто восемь центов, шляпку за четыре доллара двадцать пять центов, зонтик за два доллара девятнадцать центов и пару перчаток за семьдесят шесть центов, всего на двадцать семь долларов восемнадцать центов. Я требую, чтобы мою куклу арестовали!

Мистер Фломан замолчал, а инспектор в изумлении воззрился на него.

— У вас что, всеобщее помешательство? — поинтересовался Магг. — Как может сбежать манекен?

— Как — не знаю, но, когда уборщик утром открыл дверь, кукла прошествовала мимо него.

— Что же ваш уборщик её не остановил? — спросил инспектор.

— Да он чуть не умер от страха! — вознегодовал мистер Фломан. — Инспектор, она воровка, арестуйте её!

Магг на минуту задумался.

— Мы не сможем возбудить против неё дело, — пояснил он. — У нас отчего-то нет закона против манекенов.

Владелец магазина горько вздохнул.

— Выходит, костюм за девятнадцать девяносто восемь, шляпка за четыре двадцать пять и всё остальное потеряны безвозвратно?..

— Что вы, мистер Фломан, — прервал его инспектор, — полиция нашего города работает в поте лица и защищает права добропорядочных граждан. Восковая дама уже задержана и находится в камере предварительного заключения номер шестнадцать. Вы можете пойти туда вместе со мной и получить свою собственность. Но всё-таки насчёт закона... лучше разбирайтесь сами.

— Господи, да я хочу только получить назад мой парижский костюм и...

Они отправились в камеру. Но когда вошли в неё, обнаружили только бездыханный манекен, валявшийся на полу. Воск потрескался и вздулся, голова была сильно побита, а костюм порван и перепачкан. Это злой Танко-Манки пролетал мимо, дунул на несчастную восковую куклу, и ее короткая жизнь закончилась.

— Что и требовалось доказать, — рассуждал инспектор Магг, развалясь в своём кресле. — Я всегда говорил, что это жульничество! Иногда кажется, весь мир сошёл с ума, и тогда рядом должен оказаться какой-нибудь трезво мыслящий человек, чтобы вернуть

людям здравый смысл. Ведь манекен — это всего-то дерево и воск.

— Так-то оно так, — прошептал себе под нос стоявший рядом полицейский, — но этот манекен был совсем как живой...

Король Белых Медведей

В далёкой северной стране среди айсбергов жил Король Белых Медведей. Он был старый, мудрый, огромный и очень дружелюбный со всеми, кого знал. Его тело покрывала длинная белая шерсть, блестевшая серебром в лучах солнца. Ещё у него были крепкие острые когти, чтобы ходить по гладкому льду и ловить рыбу и тюленей. Завидев медведя, тюлени пугались и разбегались кто куда. Зато его любили белые и серые чайки, которым доставались остатки медвежьих пиршеств.

Когда его подданные, другие белые медведи, хворали или у них случались неприятности, они всегда шли к своему повелителю за советом. Но обычно, страшась королевского гнева, все обходили сторо-

ной его охотничьи владения. Волки, забиравшиеся иногда даже в край айсбергов, перешёптывались, что либо Король Белых Медведей — волшебник, либо ему покровительствует могущественная фея. Казалось, он сильнее всех на земле. Охота его всегда была удачной, и день ото дня он рос сам и росла его сила.

Но однажды в его страну пришел человек, и мудрость изменила Королю Севера. Как-то летом медведь вышел из своей ледяной пещеры и увидел лодку, плывшую по незамёрзшей полоске воды. В лодке сидели люди. Старый медведь никогда не видел таких существ. Он принюхивался к странному запаху и размышлял: кто это — друзья или враги, доброе мясо или негодная пища?

Медведь приблизился к кромке воды, и тогда человек в лодке встал. В его руках оказался какой-то странный предмет. Король услышал громкое «бах!» и почувствовал сильный удар. Потом мысли покинули его, огромные лапы дрогнули, и тело тяжело упало на жёсткий лед.

Прошло много часов, но он очнулся и ощутил страшную боль, потому что люди забрали его шкуру с прекрасной белой шерстью и увезли на свой корабль. А вокруг кружили тысячи чаек. Они пытались понять, жив ли их благодетель, а если мёртв, то пра-

вильно ли будет съесть его. Но медведь поднял голову, задрожал и застонал. Тогда чайки увидели, что он жив, и одна прокричала товарищам:

— Правду сказали волки. Король-медведь — великий волшебник. Даже люди не смогли убить его. Но посмотрите, как он страдает без шкуры. Он был добр к нам, и мы должны отблагодарить его. Пусть каждый отдаст ему столько перьев, сколько сможет!

Чайки одобрительно закричали. Крепкими клювами они стали вырывать самые мягкие перья из-под крыльев и бережно ронять их, укрывая тело медвежьего короля. А потом прокричали ему хором:

— Мужайся, друг! Мы подарили тебе самые мягкие и красивые перья! Они не хуже твоей лохматой шкуры защитят тебя от холодных ветров и согреют в морозы. Живи!

Король был мужественным. Он пересилил боль и снова обрел силу. Перья вросли в него, как настоящая медвежья шерсть. Только кое-где он стал серым, потому что серые чайки тоже отдавали ему свои перья.

Всё короткое светлое лето и ещё шесть месяцев тёмной полярной зимы Король выходил из ледяной пещеры, только чтобы наловить рыбы или поймать тюленя. Он избегал встреч с братьями-медведями, хотя и не стыдился своей новой шкуры. Медведь

много думал о людях, которые чуть не убили его. Он запомнил громкое «бах!» и решил держаться подальше от этих злых и опасных существ. Так он стал ещё мудрее.

Луна упала с неба. Взошло солнце, и айсберги засверкали всеми цветами радуги. Опять наступило лето, и два молодых медведя пришли к пещере короля спросить совета о новом сезоне охоты. Но они увидели огромное тело, покрытое перьями, громко расхохотались, и один из них сказал:

— Наш Король, могущественный Король, весь в перьях! Птица-медведь! Ха-ха-ха! Пернатый медведь! Ой, не могу!

Король страшно разгневался. Величественной походкой, грозно рыча, он приблизился к насмешникам и ударом могучей лапы свалил одного на землю. Другой успел убежать. Он вернулся к сородичам с рассказом о странном облики Короля. И вот на широком ледяном поле сошлись все белые медведи. Печально говорили они о своём правителе:

— Он больше не медведь, — сказал один, — но ведь он и не птица. Полумедведь-полуптица не может оставаться нашим Королем!

— Кому ж теперь быть новым правителем? — спросил другой.

— Тому, кто выйдет на битву с медведем-птицей и победит его. Таков закон, — ответил пожилой медведь.

Все приумолкли. Наконец огромный медведь вышел вперёд и прорычал:

— Я буду драться! Я, Вуф — самый сильный из медведей. И я стану новым королем!

Медведи покивали и отправили Королю гонца сообщить общее решение: он должен биться с великим Вуфом и либо победить, либо уйти.

— Ведь медведь с перьями — не медведь, — добавил гонец, — а наш Король должен быть похож на всех нас.

— А мне нравится носить перья, — зарычал Король. — Разве я не великий волшебник? Но драться — так драться. Пусть Вуф попробует меня одолеть!

Король пошел к своим друзьям чайкам. Они пировали, поедая убитого Королем насмешника-медведя. Король рассказал им о будущей битве и добавил:

— Что ж, они имеют право. Заставить их повиноваться может только такой же, как они, покрытый шерстью.

И тогда королева чайек сказала:

— Вчера пролетал орёл, убежавший из большого города людей. Орёл видел шкуру огромного белого

медведя. Она была брошена на заднее сиденье кареты, катившей по улице. О, Король, это, должно быть, твоя шкура. Если пожелаешь, я пошлю туда сотню чаек и они доставят её тебе.

— Пусть летят! — прохрипел Король, и сотня чаек немедленно отправилась на юг. Они летели три дня, никуда не сворачивая, и вот показались отдельные домики, потом деревни и городки. На четвёртый день храбрые, хитрые и опытные чайки долетели до большого города. Они парили и парили над улицами, пока не увидели карету со шкурой огромного белого медведя на заднем сиденье. И тогда вся стая устремилась вниз, подхватила клювами шкуру и взмыла в облака.

Великая битва должна была состояться на седьмой день после собрания всех медведей, а чайки опаздывали. Им надо было лететь очень быстро!

Тем временем медведь-птица готовился к сражению. Он наточил когти об лёд. Он поймал тюленя и проверил крепость крупных желтых зубов, разгрызая его кости. По приказу королевы чаек ее подданные пригладили его перья. Но сотня чаек с настоящей медвежьей шкурой всё не летела.

Наступил седьмой день. Все белые медведи собрались у пещеры своего Короля. Пришёл и Вуф, уверенный в своей победе.

— Только перья полетят от этого медведя-птицы, когда я вцеплюсь в него когтями! — хвастался он, а все вокруг смеялись.

«Пусть нет у меня шкуры, но драться я буду храбро!» — решил Король и гордой королевской походкой вышел из пещеры. Он увидел своего врага и так грозно зарычал, что сердце Вуфа дрогнуло. Вуф понял, что предстоит биться с могучим, мудрым Королём их племени, и ему стало уже не до смеха. И тогда Вуф закричал, думая напугать противника:

— Ну иди, иди ближе, медведь-птица, чтобы я мог пощипать твои перья!

От этих слов Король пришел в ярость. Он по-птичьи взъерошил перья и стал казаться вдвое больше, а потом ринулся вперед и нанёс Вуфу такой удар, что его череп раскололся, как яичная скорлупа, и медведь бездыханным упал на землю.

Медведи молча смотрели на поверженного бойца. Тут небо потемнело, и сотня чаек, спустившись с небес, набросила на Короля шкуру с длинной белой медвежьей шерстью, блестевшей серебром в солнечных лучах. И все медведи вдруг узнали своего мудрого повелителя и склонили косматые головы в знак почтения к Королю Белых Медведей.

Что ж, хвастовство и пустые угрозы — плохое оружие,
а истинное достоинство и мужество живут глубоко
внутри нас. Какая сверху шкура — не важно!

Мандарин и бабочка

В Китае, в городе Хьянг-Хо жил мандарин. Он был таким злобным, что все его терпеть не могли. Ворчал и бранился он целыми днями, а как он смеётся и радуется, вообще никто никогда не видел. Особенно невзлюбил мандарин всяких там мальчишек и девчонок. Он страшно гневался, когда мальчишки подшучивали над ним. А когда над ним подсмеивались девчонки, это ещё больше задевало его гордость. Дошло до того, что никто не хотел ему даже слово сказать. Узнал об этом император и приказал мандарину немедленно покинуть благословенный Китай и уехать... хоть в Америку! Мандарин ничего против не имел. Но уехал он не с пустыми руками: у мудрого волшебника Хаот-Саи негодяй похитил

Великую Магическую Книгу и только потом сел на корабль.

Обосновался мандарин в одном городе на Среднем Западе и конечно же открыл там прачечную (кажется, это призвание любого китайца — хоть мандарина, хоть кули). В городе жили и другие китайцы, но наш знаться с ними не пожелал. А они, заприметив красную пуговицу на его шапке, признали в нём настоящего мандарина и низко кланялись при встрече.

Мандарин повесил над прачечной красно-белую вывеску, и люди стали носить ему белье в стирку, получая взамен бумажные номерки с китайскими иероглифами.

Однажды это исчадие ада занималось глажкой в своём подвале в доме номер двести шестьдесят три с половиной по Главной улице. Случайно подняв голову, мандарин увидел прижавшиеся к стеклу детские лица. Вообще-то китайцы дружат с детьми, но этот, как мы помним, их ненавидел. Он прогнал их, а дети всё равно вернулись и смеялись сквозь оконное стекло. Злой мандарин бормотал ужасные проклятия на маньчжурском языке и размахивал руками — ничего не помогало. Дети приходили каждый день, лишь только заканчивались уроки. Они видели, что их присутствие приводит китайца в бешенство, и это им нравилось.

Наступило воскресенье. В выходной уроков, разумеется, не было, и дети не появились. А китаец был язычником и спокойно работал в своей прачечной. Вдруг сквозь приоткрытую дверь в комнату влетела большая бабочка и заметалась в поисках выхода. Мандарин торопливо закрыл дверь и стал гоняться за бабочкой, пока не поймал её. Потом взял две булавки и пришил пленницу к стене за широкие крылышки, украшенные рисунком, который напоминал витражи в окнах собора. (Не бойтесь, бабочке не было больно!) Бабочка висела, а китаец открыл деревянную шкатулку и вынул Великую Магическую Книгу, украденную у мудреца Хаот-Саи. Медленно переверачивал он страницы, пока не нашел главу «Как понимать язык бабочек». Мандарин внимательно прочёл её и принялся смешивать в жестяной кружке магические снадобья, а смесь, перекосившись, выпил. И пленница услышала, как человек обращается к ней на языке насекомых:

— Зачем ты залетела в мою комнату?

— Я летела на запах пчелиного воска, — откликнулась бабочка, — надеясь найти здесь мёд.

— Теперь ты моя пленница, — заявил мандарин. — Захочу — сразу убью тебя, захочу — оставлю висеть на стене умирать от голода.

— Увы, — вздохнула красавица, — такова наша короткая жизнь. Днём раньше, днём позже, всё равно.

— Неужели жизнь тебе совсем не мила? — удивился китаец.

— Отчего же, жизнь приятна и мир прекрасен. Смерти я не ищу.

— Ладно, — решил мандарин, — я подарю тебе жизнь, долгую и приятную. Но с одним условием: ты обещаешь выполнять все мои приказания.

— Разве может насекомое быть чем-нибудь полезным человеку? — недоумевала пленница.

— Обычно не может. Но у меня есть волшебная книга, она учит многим интересным вещам. Ну как, обещаешь?

— Выбора-то у меня нет, — согласилась бабочка. — Ведь даже в рабстве я смогу иногда наслаждаться жизнью, а смерть означает конец всему.

— Что правда, то правда, — одобрил мандарин. — Души у тебя нет, и возродиться после смерти тебе не удастся.

— Неправда. Три жизни я уже прожила! — с гордостью поправила его бабочка. — Я была гусеницей, потом куколкой и только потом бабочкой. А ты всегда был китайцем, хоть и живёшь дольше меня!

— Я легко могу продлить твоё порхание, если будешь меня слушаться, — посулил мандарин.

— Я буду слушаться, — беспечно согласилась бабочка.

— Тогда запоминай: знаешь детей, которые вечно толпятся у моих окон, всех этих несносных мальчишек и девчонок?

— Конечно. Они гоняются за мной и норовят проткнуть булавками, как ты, — с грустью ответила бабочка.

— А надо мной они смеются и издеваются, — пожаловался мандарин. — Получается, дети — наши общие враги. Но мы отомстим им за всё!

— Мне вообще-то мстить ни к чему, — сказала бабочка. — Они ведь всего лишь дети! Неудивительно, что им хочется поймать такое прекрасное создание, как я.

— А я хочу отомстить! Не спорь, ты же должна мне подчиняться, — закричал мандарин. — Поешь-ка вот это.

И он капнул патоки на стенку рядом с головой бабочки, а сам принялся читать Волшебную Книгу и готовить магическое снадобье в жестяной кружке. Когда зелье было готово, он освободил пленницу и сказал:

— Приказываю тебе окунуть в зелье две передние лапки, а потом лететь, пока ты не встретишь какого-

нибудь ребёнка. Тогда дотронься лапками до его лба, и мальчик или девочка сразу превратится в поросёнка. А ты возвращайся, снова окунай лапки и лети искать нового ребёнка. Надеюсь, очень скоро все эти дети превратятся в свиней и никто не догадается, что это мое колдовство!

Бабочка упорхнула. Перелетая с цветка на цветок, она стерла с лапок волшебное зелье, вспомнив о своём господине только на закате. Никакого вреда детям она нанести уже не могла, да, по правде сказать, и не собиралась. Летя в прачечную, она думала: «Этот злой старый китаец хочет извести всех детей. Но я совсем не желаю причинить им вред. Однако убежать я не могу: ведь мой хозяин — могучий колдун, он найдёт меня и убьёт. Попробую-ка его обмануть!»

Мандарин ждал бабочку с нетерпением.

— Ну, тебе попались какие-нибудь дети? — спросил он, когда она влетела в прачечную.

— Конечно, — спокойно подтвердила бабочка. — Одна симпатичная золотоволосая девочка. Теперь она превратилась в хрюкающего поросёнка.

— Отлично! Превосходно! — Мандарин даже стал пританцовывать от радости. — Ты заработала свой ужин. Но завтра ты должна превратить в поросят двоих детей!

Бабочка молча съела патоку. У нее не было души, поэтому муками совести она не страдала и могла врать сколько угодно.

Утром бабочка окунула лапки в зелье и улетела на поиски детей. На окраине города она заметила хлев, в котором лежал поросёнок. «Интересно, — подумала она, — во что превратится поросёнок, если я дотронусь до него лапками?»

Мысль эта показалась ей замечательной, и, спустившись, она немедленно дотронулась лапками до свиного пяточка. Через мгновение на месте животного стоял лохматый грязный мальчишка. Он выпрыгнул из хлева и, громко вопя, помчался по дороге.

«Пожалуй, мандарин жутко рассердился бы. Ведь в мире стало на одно ненавистное ему существо больше», — заметила про себя бабочка.

Тем временем мальчишка швырнул камнем в кошку, но та спаслась, взобравшись на дерево. Потом он заметил сад у дороги и быстренько вытоптал клумбы, а увидев пасшегося на лугу телёнка, стегнул его прутом.

«Если все дети похожи на этого мальчишку, то неудивительно, что мандарин их терпеть не может», — подумала бабочка.

Телёнку удалось убежать, а на дороге показались две девочки, которые шли в школу. Одна держала в руке яблоко. Мальчишка подбежал, вырвал яблоко, откусил от него и стал громко чавкать. Девочка заплакала, а её более храбрая подруга решительно сказала:

— Как тебе не стыдно!

Мальчишка сразу стукнул её. Теперь плакали обе девочки. У бабочки, конечно, не было души, но сердце у неё было доброе.

«Хватит ему совершать дурные поступки. Простить себе не могу, что из-за меня на свет появилось такое чудовище!» — решила она и, подлетев, дотронулась лапками до мальчишкиного лба. Через мгновение хрюкающий поросёнок побежал по дороге к своему хлеву.

— Мне не в чем себя упрекнуть, — прошептала бабочка, летя по воле ветерка, — девочки были такие милые. Вот уж кого бы я никогда не обидела. Хорошо, хоть не все мальчишки хулиганы, а то я не раздумывая пустила бы в ход волшебство мандарина.

И она опустилась на розовый куст, где и просидела до вечера.

— Превратила двух детей в свиней? — спросил мандарин, как только она вернулась.

— Конечно, — солгала бабочка, — двух мальчишек. Одного голубоглазого, а второго — веснушчатого рыжего.

— Отлично! Превосходно! — Мандарин был в восторге. — Я их помню, они мне больше всех досаждали. Продолжай, бабочка, продолжай!

Последующие несколько дней бабочка провела так же: днем летала по цветущим садам, а вечером возвращалась к мандарину. Она рассказывала длинные подробные истории о встреченных ею мальчишках и девчонках и получала патоку на ужин. Но однажды бабочка подумала, что рассказы больно уж одинаковы и хозяин может что-нибудь заподозрить. И в этот день на вопрос, какого именно мальчика она превратила в свинью, хитрое насекомое ответило:

— Одного китайчонка. Я дотронулась до его лба своими лапками, и он превратился в черного поросёнка.

Мандарин разозлился. В этот день он был отчего-то особенно зол. Он сжал бабочку пальцами и чуть не раздавил ее. Китаец уже забыл о своей ненависти к детям в далёком Китае и теперь ненавидел только американских.

Бабочка вознегодовала и обиделась. Она отвернулась от патоки и весь вечер дулась. Она теперь ненавидела мандарина, как тот — всех детей.

Наступило утро, а бабочка никак не могла остыть от своего гнева. Мандарин же кричал:

— Давай поторапливайся! Сегодня ты превратишь в свиней четверых детей. Это за твою вчерашнюю глупость!

Бабочка молчала. Её маленькие чёрные глазки сверкали. И, вынув передние лапки из чашки с зельем, она тут же подлетела к китайцу и дотронулась ими до его плоского лба.

Через некоторое время в прачечную заглянул какой-то господин, чтобы забрать свои сорочки. Мандарина нигде не было видно, а по комнате почему-то бегала визжащая костлявая свинья.

Бабочка полетела к ручью. Она отмыла с лапок волшебное зелье, а ночью мирно уснула в розовом кусте.

Содержание

<i>Сундук с разбойниками.....</i>	<i>5</i>
<i>Стеклянная собака .....</i>	<i>20</i>
<i>Королева Куокской страны .....</i>	<i>35</i>
<i>Девочка и гризли .....</i>	<i>51</i>
<i>Заколдованные буквы .....</i>	<i>63</i>
<i>Смешливый гиппопотам.....</i>	<i>73</i>
<i>Волшебные леденцы .....</i>	<i>87</i>
<i>Дедушка-Время.....</i>	<i>98</i>
<i>Удивительный насос .....</i>	<i>110</i>
<i>Оживший манекен .....</i>	<i>124</i>
<i>Король Белых Медведей.....</i>	<i>138</i>
<i>Мандарин и бабочка.....</i>	<i>147</i>

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках федеральной целевой программы
«Культура России»

Баум Л. Ф.

Б29 Смешливый гиппопотам. Американские волшебные сказки / Лаймен Фрэнк Баум; Пер. с англ. М. Вирозуба. Илл. Н. Салиенко. — М.: Текст, 2010. — 157 [3] с.

ISBN 978-5-7516-0859-0

Лаймен Фрэнк Баум (1856–1919) — знаменитый американский писатель, создатель Волшебной страны Оз, всемирно известный классик детской литературы, чьи книги породили множество экранизаций и подражаний, в том числе и любимые всеми детьми России истории о волшебнике Изумрудного города. «Американские волшебные сказки» издаются в нашей стране впервые. Озорные, полные юмора фантазии этого мастера будут интересны и детям, и взрослым.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Лаймен Фрэнк Баум

СМЕШЛИВЫЙ ГИППОПОТАМ

**АМЕРИКАНСКИЕ
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Для детей среднего
школьного возраста

Редактор В.И. Генкин

Подписано в печать 20.05.10. Формат 70 x 100/16.

Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 5,23.

Тираж 3000 экз. Изд. № 870.

Заказ № 2454

Издательство «Текст»

127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7

Тел./факс: (499) 150-04-82

E-mail: text@textpubl.ru

<http://www.textpubl.ru>

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: www.oaomprk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Когда американский сказочник Лаймен Фрэнк Баум придумал Волшебную страну Оз, его полюбили дети всего мира. Этот замечательный писатель сочинил множество других занимательных историй, которые до сих пор не издавались в нашей стране. Открыв эту книгу, вы сможете их прочитать и познакомиться с девочкой, которой удалось справиться сразу с тремя разбойниками, со стеклянной собакой, которая умела лаять и отгоняла от дома грабителей, с волшебной книжкой, полной оживающих картинок, с веселым и умным гиппопотамом и многими другими удивительными героями волшебных сказок Фрэнка Баума.

*художник
Сашенко Наталья*

